

Два мира

Автор:

Элизабет Вернер

Два мира

Элизабет Вернер

«С залитой солнцем горной вершины спускались два путника с альпенштоками в руках и рюкзаками за спиной. Присутствие проводника с веревкой и ледорубом свидетельствовало о том, что путешественники только что совершили восхождение на гору. Теперь они шли по зеленой лужайке, на которой и решили отдохнуть...»

Эльза Вернер

Два мира

Глава 1

С залитой солнцем горной вершины спускались два путника с альпенштоками в руках и рюкзаками за спиной. Присутствие проводника с веревкой и ледорубом свидетельствовало о том, что путешественники только что совершили восхождение на гору. Теперь они шли по зеленой лужайке, на которой и решили отдохнуть.

– Вон та дорога ведет на Грасекер-Альм, – сказал старший из путешественников. – Ты ведь не пойдешь со мной на Вильдзее?

– Чтобы сделать крюк, который отнимет целых два часа? Нет, благодарю покорно! – возразил другой. – С пяти часов утра я только и делал, что лазил по глетчерам и пропастям, хотя на службе с нами не церемонятся и я вообще не из слабых, но мне далеко до тебя, Герман, с твоей богатырской силой.

– Я только выносливее тебя, – возразил Герман. – Итак, ты идешь прямо на Грасекер-Альм? А я спущусь по Энской долине.

– Но сначала отдохнем. – Молодой человек опустился на мягкую траву. – Мы еще успеем вовремя добраться до нашего «Палас-отеля». Почему тебе вздумалось остановиться в этой уединенной деревушке? «Господин архитектор Зигварт любит глушь», сказал мне вчера тот маленький турист, что собирался с нами на экскурсию, но потом побоялся опасности. И он совершенно прав. А отсюда ведь всего час пути до Интерлакена, где теперь сезон в полном разгаре.

Зигварт пожал плечами, лег на траву рядом со своим спутником и произнес:

– Да, в Интерлакене весной и летом любят отдыхать сливки Общества, тебе этого мучительно недостает! Но я ведь не мешаю тебе, Адальберт, немедленно отправиться туда и начать флирт с англичанками и американками. Лично я остаюсь здесь. Я приехал сюда ради гор и намерен полностью насладиться ими.

– А я приехал сюда исключительно ради тебя! – сердито воскликнул Адальберт. – Мы с тобой не виделись целый год, пока ты учился в Италии, а теперь, когда ты наконец вернулся, меня, как на грех, переводят в Мец. Не приди мне в голову счастливая мысль попросить двухнедельный отпуск и поймать тебя в Швейцарии, нам не пришлось бы увидеться. В благодарность за это ты таскаешь меня по всяким глетчерам и вершинам и заставляешь жить в невозможной обстановке. Вообще я считаю, что ты обращаешься со мной самым непозволительным образом!

– К чему поручик Гунтрам совсем не привык, – насмешливо возразил архитектор. – Тебя ведь абсолютно все балуют, один я осмеливаюсь тебе перечить.

– Да, ты не упускаешь случая сделать это, и, как это ни странно, я на тебя не сержусь, боюсь даже, что мне просто будет не доставать твоих нравоучений.

Адальберту Гунтраму, красивому, стройному юноше с темными волосами и лицом, сиявшим беспечностью юности, было примерно двадцать четыре года. Его костюм туриста, очевидно, был сшит лучшим портным, и, несмотря на штатскую одежду и непринужденную позу, в нем угадывался военный.

Его спутник, наоборот, не поражал элегантностью. Его костюм хранил следы непогод и далеких прогулок, а незаурядная внешность свидетельствовала о полном равнодушии к ней.

Высокая и сильная фигура Зигварта ясно указывала на его принадлежность к германской расе. На его загорелом энергичном лице выражалось непоколебимое сознание собственной силы. Он казался старше своих двадцати семи лет.

– Да, ты наделаешь довольно много глупостей, когда меня не будет с тобой, – сухо сказал он. – Что же касается моих спартанских наклонностей, то ты ведь знаешь, что они стали для меня необходимостью. Полученной премии мне хватало на год учебы в Италии, да еще мне удалось сэкономить небольшую сумму, чтобы на обратном пути провести недели две в Швейцарии. При таких скудных средствах нечего и думать о роскошных гостиницах в Интерлакене. Но ты, разумеется, можешь себе позволить подобное удовольствие!

– Я мог бы заплатить за нас обоих, – перебил его Адальберт. – Боже Великий! На твоем челе снова собираются тучи! Как будто я оскорбил тебя, предложив на время стать моим гостем! Ведь в Берлине я не раз пользовался гостеприимством. Но как только я собираюсь ответить тебе взаимностью, ты становишься невыносимо грубым.

– Полно, Адальберт! Я очень рад, что ты приехал сюда, это прекрасный финал моего счастливого, незабываемого путешествия. А теперь надо снова приниматься за работу.

– В которую ты поспешишь окунуться с головой? Мне кажется, ты уже заранее радуешься ей. Ты такой же фанат в работе, как и мой отец. Его тоже приходится силой оттаскивать от письменного стола.

– С той лишь разницей, что мне так работать необходимо, а ему – нет.

– Со временем и ты достигнешь этого. Недаром же ты его лучший ученик, ведущий специалист в его строительной конторе.

– Если бы только он предоставлял мне побольше самостоятельности! Надо же, наконец, и мне стать на собственные ноги, а об этом твой отец и слышать не хочет.

– Тебе не следует сердиться на него за это! – смеясь, воскликнул Адальберт. – Он совсем не может обходиться без тебя и старается удержать тебя во что бы то ни стало.

– Но ведь надо же мне наконец испытать собственные крылья, создать что-то самостоятельное. В моих папках есть один проект, который я закончил незадолго до отъезда, он кое-что стоит и мог бы открыть мне широкую дорогу, но с чего начать? Художник посылает свою картину на выставку и как будто возвещает всему миру: «Вот что я в состоянии создать. Дайте мне возможность творить!» Но архитектор нуждается в заказах, а кто же доверит молодому, никому неизвестному человеку сооружение, стоящее больших денег? Тут требуются имя, репутация или, в крайнем случае, рекомендация. Твой отец мог бы дать ее, если бы захотел.

– Будь спокоен, он сделает это. Но в настоящее время он весь поглощен работой, он строит в Тиргартене новую виллу для коммерции советника фон Берндта и лично руководит строительством. Они ведь старые друзья.

– Это я знаю, но совершенно незнаком с планом. Ты писал мне, что Берндт приобрел себе участок на моей родине, совсем близко от Равенсберга. Что это ему вздумалось? Ведь это так далеко от Берлина!

Адальберт пожал плечами.

– Во-первых, это было коммерческим предприятием. Графенау шел с молотка, и Берндт надеялся извлечь из него доходы. Он приобрел имение почти за бесценок и хочет сделать из него свою летнюю дачу.

– Я знаю Графенау, это ближайшее соседнее имение, – сказал Герман. – Ты, кажется, был там в прошлом году?

– Да, Берндт приглашал нас. Мой отец хотел посмотреть замок, чтобы решить, как его перестроить. Это некрасивое старое здание, но папа думает, что из него можно кое-что сделать. Я провел в Графенау несколько великолепных недель. Там отличная охота, а кроме того, я нашел еще заколдованный замок со сказочной принцессой.

– Разумеется! Для тебя ведь любовные приключения – необходимость!

– Ну, на этот раз приключение было из самых невинных, так как вышеупомянутой особе было не более четырнадцати лет. Барон Гельфенштейн совершенно обанкротился со своим Графенау. Не будь у него капитанской пенсии, он вынужден был бы голодать вместе со своей маленькой внучкой. Но пенсии им едва хватает, чтобы прокормиться, и они живут в каком-то, свином гнезде.

– В старом охотничьем домике? Да он ведь, наверно, совсем развалился?

– По крайней мере, у них над головой есть крыша, коммерции советник разрешил им оставаться в этом домике. Он пожалел старика, которому теперь нужен лишь клочок земли, где он мог бы спокойно умереть. Берндт оставил за стариком охотничий домик до самой его смерти. Я хотел поближе посмотреть на это свиное гнездо и случайно познакомился с бароном и маленькой рыженькой Траудль.

– Маленькой рыженькой Траудль? Кто это?

– Да вышеупомянутая принцесса! Так ее называет дедушка. Это румяное, восхитительное существо, для которого я стал желанным товарищем по играм. Почти ежедневно я заходил туда, мы бегали взапуски, ссорились и мирились, как дети. Как видишь, тут ничего особенного не было.

– Я давно не был на родине, – сказал Герман, поднимаясь с земли. – Но пора и в путь. Возьми с собой проводника, а я пойду один, теперь я сам найду дорогу.

Он свернул в сторону, и оставшиеся на лужайке скоро потеряли его из виду. Дорога шла через горы. Сверху на путника глядела снежная вершина, на которую он поднимался этим утром. Внизу громоздились утесы, обрывы и громады камней, между которыми виднелись узкие полосы зеленой травы. На

одной из этих полос что-то шевелилось. Зигварт остановился и увидел пару серн, бесстрашно спускавшихся с вершины, они шли навстречу одинокому путнику. У Зигварта зашло сердце. В сыне лесника мгновенно проснулся инстинкт охотника.

Он с трудом оторвался от очаровательного зрелища и быстро пошел дальше. По расставленным кое-где дорожным указателям найти дорогу было нетрудно. Она привела путника к краю небольшой котловины, на дне которой сверкало маленькое альпийское озеро. Тут по откосу вилась только узенькая пешеходная тропинка. Спокойно и уверенно Герман спустился по откосу к маленькой лужайке на берегу озера и только теперь заметил, что он здесь не один. Шагах в двадцати от него, под высокой, растрепанной бурями сосной, сидела дама с альбомом на коленях и рисовала. Герман слегка дотронулся до поля своей шляпы, она небрежно ответила на его поклон и спросила по-немецки, но с заметным английским акцентом:

– Вы знаете дорогу в Энскую долину? Она хорошая или нет?

Зигварт насмешливо улыбнулся – его, очевидно, принимали за проводника, это было видно по тону вопроса. Это заблуждение позабавило его, но он ответил не особенно вежливо:

– Дорога в долину крутая и опасная. Вам, во всяком случае, не дойти, необходим проводник.

– Не сейчас, после, – прервала дама, видимо, находя дальнейшие разговоры излишними и снова принимаясь рисовать.

Архитектор решил, что дело зашло слишком далеко, очевидно, она была уверена, что он явился в качестве проводника предлагать ей свои услуги, и потому заставляла его ждать. Решив дать хороший урок этой надменной англичанке, он подошел к ней, взглянул через ее плечо на рисунок и сказал по-английски:

– Вы неудачно выбрали место, ветки сосны закрывают от вас всю возвышенность.

Иностранка взглянула на него с изумлением.

– Вы говорите по-английски?

– Немного. Вы хотели сделать набросок утесов, так живописно замыкающих озеро, но вам это не удалось. Надо было рисовать их с той стороны, откуда я пришел. Оттуда хорошо виден весь задний план.

Дама, по-видимому, начала понимать свою ошибку относительно мнимого проводника, но явно обиделась на то, что совершенно незнакомый человек осмеливается давать ей советы. Ее губы искривила надменная улыбка, и она сказала с нескрываемой иронией:

– Не желаете ли попытаться исправить мою ошибку?

– Если вы не против. Позвольте ваш альбом.

Зигварт спокойно взял из ее рук тетрадь и карандаш, прошел к указанному им самим месту и, открыв в альбоме чистый лист, начал набрасывать новый эскиз. Незнакомка удивилась, что ее так неожиданно поймали на слове, но молчала, не зная, как отнестись к этому человеку. Он говорит по-английски, следовательно, образован, но его костюм далеко не подтверждал этого. Грубые горные башмаки, потертая куртка, помятая поярковая шляпа, все это было «shocking»[1 - Shocking (англ.) – неприлично, скандально.] в глазах знатной англичанки. И в то же время она видела энергичный профиль, высокий лоб и орлиные глаза, он не был красив, но вся его внешность чрезвычайно впечатляла.

Зигварт отлично видел, что стал предметом внимательного изучения, но не обращал на это ни малейшего внимания, набрасывая эскиз быстрыми уверенными штрихами. Около десяти минут прошло в полнейшем молчании, потом он вернулся к англичанке и вручил ей альбом.

Это был лишь беглый набросок, но озеро, окружавшие его утесы и сосны на берегу были схвачены так умело и точно, что в рисунке сразу угадывалась рука профессионала. Незнакомка заметила это с первого взгляда и быстро спросила:

– Вы художник?

– Нет, но я учился рисованию.

Дама почувствовала в этих словах насмешку над своим дилетантским рисунком, но промолчала и, закрыв альбом, проговорила холодным тоном:

– Я оставила свою лошадь с проводником на Грасекер-Альме, присутствие подобных людей всегда невероятно стесняет меня.

– Да, бывает неприятно встретить людей там, где хотелось бы побыть одному, – произнес Герман. – Но ведь подобные места невозможно монополизировать, и потому с этим приходится мириться.

Тут он впервые взглянул в лицо незнакомке. Это была девушка лет двадцати, стройная и видная, с правильным бледным лицом и темными глазами, составлявшими своеобразный контраст с пепельно-белокурыми волосами. Ее взгляд и вся фигура выражали спокойную и холодную уверенность в себе. По-видимому, она уже давно привыкла смотреть на всех людей свысока. На ней был серый дорожный костюм и фетровая шляпа с синей вуалью, но на лежавшей рядом кофточке, которую она сняла, подкладка была из толстого белого атласа, брошенные тут же, перчатки – из тончайшей шведской кожи, а на правой руке девушки блестело дорогое кольцо.

Зигварт заметил все это. Он положил свой мешок на траву и сел, не замечая устремленного на него удивленного взгляда. Для девушки, по-видимому, было совершенно непривычно, что кто-то мог не восхищаться ее обществом. Но Зигварт, казалось, и не думал продолжать разговор, он молча разглядывал расстилавшийся перед ним ландшафт.

Было начало июня, что в горах считается еще весной. Но здесь весна не наполнялась ликующими песнями птиц, не несла с собой благоухания и красоты распускающихся цветов. Здесь уже чувствовалась близость снеговых вершин. Задумчиво и неподвижно стояли гранитные скалы, серой стеной окружавшие озеро, мрачными казались зеленые ели, птицы не порхали в ветвях, рыба не играла на поверхности озера. Ропот пенистого горного потока, падавшего с утеса и исчезавшего в пропасти, был единственным звуком, нарушавшим безмолвие этого величавого уединения.

Однако веяние весны чувствовалось даже здесь. Высоко в небе неслись белые весенние облака, на елях виднелись светлые молодые побеги, а на маленьких лужайках всюду синели генцианы. У берегов озеро казалось совсем темным, но в

середине, где на него падали золотые солнечные лучи, оно отливало таинственным блеском изумруда, как будто скрывая в своей глубине чудо обновления, которое весна вызывает в сердце каждого человека, пробуждая в нем вечные надежды, стремления, ожидания.

Далекий раскат грома вывел обоих молодых людей из задумчивости. Девушка с удивлением взглянула на небо.

– Верно, лавина скатилась с горы, – вполголоса проговорил Зигварт. – Я видел сегодня, как на глетчерах оседал снег и со свистом летел в пропасть. Это великолепное зрелище!

– Вы сегодня побывали на глетчерах?

– Да, сегодня утром мы вышли из дому еще затемно и наблюдали, как начинало светать. Под нами волновалось белое море тумана, над нами загоралась заря, превращая горы в сказочное царство, пока не взошло солнце и не превратило пурпур в сверкающее золото. В такие часы забываешь будничную жизнь с ее проблемами, чувствуешь в себе подобие Божие, и все ощущения тонут в блаженном сознании своего бытия. – Он увлекся воспоминанием, но вдруг резко оборвал речь, заметив устремленные на него темные глаза, и закончил с легкой насмешкой: – Ничего подобного не может, разумеется, пережить тот, кто едет в горы в отдельном купе железной дороги или наслаждается видами, сидя на террасе гостиницы за табльдотом[2 - Табльдот (фр.) – общий обеденный стол в пансионах, курортных столовых и ресторанах.] в многочисленном обществе туристов. Только в уединении можно наслаждаться дивным зрелищем.

– А вы часто переживали подобные часы?

– Нет. Часы такого сказочного счастья редки в жизни, но зато этим счастьем можно запастись на целые месяцы и даже годы. А в суете и вечном шуме столицы это для нас необходимо. Через несколько дней столичная жизнь снова завладеет мной и, кто знает, может быть, надолго.

– Вы не любите столичной жизни?

– Нет, люблю, – быстро возразил Зигварт. – Это арена борьбы для всякого, рассчитывающего лишь на свои собственные силы и стремящегося испытать их.

Есть что-то могучее в этом шумном, все увлекающем за собой потоке жизни. Правда, он многих поглощает, но зато смелого пловца выносит на поверхность. Надо только довериться ему.

В словах молодого человека звучала уверенность в своих силах, и его глаза сверкали сознанием силы молодости, которой кажется, что весь мир принадлежит ей.

Вдруг издали донесся чей-то голос, и из леса показалась фигура человека, который вел за повод лошадь.

– Вероятно, это ваш проводник? – спросил архитектор.

– Да, он должен был прийти сюда за мной, – ответила девушка, и по ее тону было видно, что появление проводника не доставило ей особенного удовольствия. – Итак, вы не советуете мне возвращаться через Энскую долину?

– никоим образом, потому что верхом вы там не проедете. Я отправляюсь именно этой дорогой, но в моем путеводителе она рекомендуется лишь опытным туристам, без специальной обуви и альпенштока вам вряд ли удастся спуститься в долину.

– Мой проводник того же мнения. Итак, придется возвращаться по предгорью.

Девушка надела кофточку и перчатки и взяла, очевидно, только что нарванный ею букет генциан. Подошел проводник, и Герман помог незнакомке сесть на лошадь.

– А ваш эскиз? – вполголоса спросила она. – Я останусь вашей должницей?

– Если вам угодно смотреть на это с такой точки зрения, то пожалуйста! – поклонился Зигварт.

– Тогда возьмите хоть это в знак моей благодарности.

Девушка протянула ему букетик генциан, и, попрощавшись с ним легким поклоном, через несколько минут исчезла между елями.

– А ведь в ее словах звучит нечто похожее на извинение, – насмешливо пробормотал Герман. – Тон совершенно не походил на тот, которым она сказала: «Не сейчас, после!» По-видимому, урок пошел на пользу. Адальберт, наверно, сказал бы: «Ты снова вел себя как настоящий медведь», – и, наверно, пробежал бы с ней до предгорья. Но что мне за дело до этой надменной леди! Она, бесспорно, красивая, но зато и самоуверенна до крайности.

Зигварт приколот букетик к своей шляпе, еще раз обвел прощальным взглядом всю окрестность, потом пристегнул за спину рюкзак, взял альпеншток и повернул на дорогу в Энскую долину.

Глава 2

– Мистер Морленд уже вернулся?

– Да, час тому назад, господин коммерции советник.

– А барыня?

– Только что приехала с мисс Морленд. А вот и письма.

Коммерции советник Берндт взял письма и прошел в великолепный зал, украшенный статуями, коврами и композициями из растений, что свидетельствовало о принадлежности этого дворца к самым роскошным гостиницам Интерлакена. Швейцар еще раз низко поклонился советнику, как богатому постояльцу, поселившемуся здесь около двух недель тому назад. Это были выгодные клиенты – коммерции советник фон Берндт из Берлина с женой и дочерью и мистер Морленд с дочерью из Нью-Йорка. Они занимали все комнаты на первом этаже и большой салон и путешествовали со своим штатом прислуги.

Берндт вошел в комнату своей жены. Она стояла на пороге балкона и смотрела на дорогу в горы, на которой уже кипела жизнь.

– Ты выезжала сегодня утром?

- Да, я немного покаталась с Алисой.

- Вы ездили одни? Графа Равенсберга не было с вами?

- Нет, он пошел к Вильяму и еще до сих пор сидит у него. Думаю, сейчас лучше им не мешать, речь, наверное, идет об окончательном решении.

- Уже? Это было бы немного преждевременно, ведь он всего неделю здесь.

- Но все это время он ежедневно виделся с Алисой. Они совершенно запросто встречаются и за столом, и на прогулках. Поэтому-то я и предложила Интерлакен как место встречи.

- Пожалуй, это самый удачный выбор, - заметил Берндт, садясь. - В сущности, это «знакомство» - просто формальность. Без сомнения, они виделись и ранее.

- Конечно, - согласилась его супруга, - в этом я никогда и не сомневалась. Молодой Равенсберг симпатичен, а Алиса словно рождена для такого положения. Моему брату придется, разумеется, принести кое-какие жертвы, но ведь ты обсудил с ним этот вопрос.

- Разумеется. Ты знаешь, что старый граф обращался ко мне за материальной поддержкой. Я, конечно, отказал ему, так как он не мог дать мне ни малейших гарантий. Но при этом мне представился случай ознакомиться с его имущественным положением. Все имения Равенсбергов заложены и перезаложены, и полное банкротство неизбежно. Много понадобится денег, чтобы привести все в порядок, а кроме того, необходимо и приданое.

- И это приданое составит внушительную сумму, - сказала госпожа фон Берндт.

- Равенсберги - старинный дворянский род, в былые времена совершенно независимый, они много раз играли видную роль в истории нашей страны, а за это люди платят деньги. Впрочем, Вильям уже сам позаботился о том, чтобы удержать власть в своих руках. С родственниками следует быть осторожным, особенно с теми, которые привыкли жить по-барски, иначе их притязания будут неограниченны. Алисе вообще сначала будет нелегко, особенно со старым графом, он аристократ до мозга костей.

– Алиса сумеет сохранить свою самостоятельность.

– Да, вы, американки, умеете, это делать, – шутливо заметил коммерции советник, имевший в этом отношении достаточно опыта – в молодости он познакомился со своей женой в Нью-Йорке и привез ее оттуда в Германию. – Но объяснение грозит, по-видимому, затянуться надолго, – заметил он – не пройти ли нам на террасу, Элен?

Объяснение, действительно, еще не закончилось. В салоне сидел Вильям Морленд, а напротив него – граф Равенсберг. Их беседа походила скорее на деловой разговор, чем на сватовство. Американец – уже пожилой человек с серыми глазами и холодным, замкнутым выражением лица – держал в руках записную книжку и делал в ней какие-то пометки.

Граф Бертольд Равенсберг (молодой человек лет двадцати четырех, хрупкого сложения и небольшого роста) с первого взгляда казался довольно невзрачным, но в его лице было что-то необычайно приветливое, на нем лежала печать какой-то тихой грусти, а его темные глаза с мечтательным выражением были просто прекрасны. Он казался взволнованным, между тем как вся фигура Морленда свидетельствовала о непоколебимом спокойствии, когда он произнес:

– Договорились: я беру на себя все текущие расходы по Равенсбергу, причем, конечно, деньги вносятся от имени моей дочери. Кроме того, я вношу условленную сумму в счет ее приданого, проценты с которого будут в вашем полном распоряжении, капитал же остается неприкосновенным. В случае моей смерти мое состояние переходит к моей дочери как единственной наследнице и становится ее личным имуществом. По брачному контракту общее владение имуществом совершенно исключается.

– А что же остается моему отцу и мне? – произнес граф.

– Вашему отцу снова будет предоставлено управление его имениями, за которые будут погашены все долги, а вы будете получать ренту, которой с избытком хватит на приличный образ жизни.

– Но я буду лишен возможности самостоятельно распоряжаться имуществом своей жены. Ведь Равенсберг остается в руках моей жены?

– А теперь он в руках ваших кредиторов. Это большая разница, – последовал сухой ответ. – Если в вашем браке будет царить полное согласие, все дело сведется лишь к внешней формальности, не имеющей никакого значения.

– Но представляющей для нас с отцом нечто оскорбительное, мы не можем с этим согласиться.

– Очень сожалею, – спокойно ответил Морленд. – Я должен обеспечить будущее своей дочери, а, познакомившись с имущественным положением вашего отца, не считаю нужным предоставлять большой капитал в его распоряжение.

– Мистер Морленд! – воскликнул Бертольд оскорбленным тоном. – Я не думал, что нам будут поставлены такие условия, что мне предложат такую зависимость от моей жены, – с горечью сказал он.

– Именно поэтому я и настаивал на том, чтобы обсудить сначала деловую сторону вопроса. Если мы с вами не сойдемся, то просто-напросто будем считать, что никаких переговоров не было. Но от своих условий я не отступлю. От вас зависит принять их или не принять.

– Не принять? Но я никогда не откажусь от Алисы! Никогда! В этих словах звучала сдержанная страсть, не оставшаяся незамеченной американцем, но он сделал вид, что не обратил на это никакого внимания.

– Ну, тогда решайтесь. Я согласен, и моя дочь тоже готова принять ваше предложение. Но сначала необходимо все выяснить, не правда ли?

Равенсберг молчал. Казалось, он боролся с собой, наконец он спросил:

– Знает ли мисс Морленд о наших переговорах и о тех условиях, которые вы мне предлагаете?

– Да! – коротко ответил Морленд.

– И она согласна с ними?

– Да!

– Понятно! Ведь она американка! – бросил граф.

– Само собой! У нас принято смотреть на молодую девушку, собирающуюся замуж, как на совершеннолетнего и самостоятельного человека. Я знаю, что у вас на это другие взгляды. Но когда речь идет о больших денежных интересах, то это необходимо обсудить со всех сторон. Я, конечно, даю вам время обдумать мое предложение. Надо будет еще выяснить несколько побочных вопросов, в обсуждении которых, я, вероятно, окажусь податливее. Буду ждать вашего решения.

Граф Равенсберг поклонился и вышел.

Он совсем иначе представлял себе исход своего сватовства. Вернувшись в свою комнату, он принялся ходить взад и вперед. Теперь, когда он остался один, стало ясно, как унизителен был для него разговор. В сущности, это была лишь деловая сделка, в которой ему диктовали условия, и только теперь он почувствовал, какими жесткими они были.

Было горько чувствовать, что ему, обладателю графской короны, предлагали подобную опеку. Выскочка-богач хотел купить эту корону для своей дочери точно так же, как покупал ей какое-нибудь бриллиантовое украшение, но сам граф, будущий его зять, очевидно, был безразличен ему, и он холодным тоном дельца диктовал ему свои условия.

Для Равенсбергов не было выбора. Они отлично знали, что находятся накануне полного разорения, что это лишь вопрос нескольких месяцев, если никто не придет им на помощь. И тогда им придется разделить судьбу своего соседа по имени, барона Гельфенштейна, мириться с бедностью и беспросветностью жизни, или... разом положить всему конец.

Бертольд знал, как будет возмущен его отец условиями Морленда. Старый граф был уверен, что сын вместе с рукой богатой наследницы получит ее состояние, что даст возможность и ему самому вернуть себе полную свободу и независимость. А теперь ему предлагали выгодную ренту, в то же время лишая возможности располагать капиталом, и он знал, что Морленд ни за что не изменит своего решения.

Была еще одна причина, по которой молодой граф не хотел допустить разрыв – он не остался равнодушен к красивой девушке, на которую ему указали как на его будущую жену. Нет, он не хотел потерять ту, чья рука могла спасти его и Равенсберг. В конце концов его отец должен будет согласиться, как согласился он сам. Для них обоих не оставалось другого выхода.

Граф Бертольд не воспользовался данной ему отсрочкой и уже после завтрака заявил будущему тестю, что готов принять предлагаемые ему условия и просит позволения сделать предложение мисс Морленд, на что и получил милостивое согласие.

День склонялся к вечеру. Алиса Морленд, уже одетая к обеду, стояла в своей комнате перед большим зеркалом и внимательно рассматривала свой роскошный туалет, но даже в эту минуту, ожидая прихода жениха, сохранила свою надменную холодность.

Впрочем, происходящее не могло особенно волновать ее, так как она была посвящена в начавшиеся переговоры уже несколько недель тому назад. Дядя Берндт и его жена задумали этот план, не встретивший никакого противоречия со стороны Морленда и его дочери, а старый граф Равенсберг с первого намека понял все его выгоды.

Алиса была честолюбива, а между молодыми богатыми американками теперь было в моде выходить замуж за европейских аристократов. Одна из ее подруг обвенчалась с английским лордом, другая – с итальянским князем, почему же ей не выйти за немецкого графа? Когда будущие супруги узнали друг друга, дело было почти уже слажено, а так как результаты личного знакомства оказались благоприятными, то, по-видимому, ничто не могло помешать помолвке.

Девушка подошла к своему письменному столу, на котором стояла большая фотография с видом древнего замка, это было родовое поместье Равенсбергов, гордое, величественное здание, живописно выделявшееся на фоне высокого леса. Несколько минут Алиса разглядывала фотографию, а потом принялась рассеянно перелистывать свой альбом этюдов. Ей попался под руку набросок незнакомца. Что за странный человек! Такой непринужденный и даже небрежный в манерах и такой горячий, и пылкий в разговоре! Она ничего не знала о нем, как и он о ней, да и к чему? Они, вероятно, никогда больше не встретятся, но он имел честь на целый час заинтересовать мисс Морленд, а это случалось не часто. Не было ничего удивительного в том, что она уже была

несколько пресыщена жизнью, судьба так много дала ей, двадцатилетней девушке, и теперь еще сулила ей графскую корону и древний германский герб, единственное, чем она еще не владела.

Слуга доложил о приходе графа Равенсберга, он вошел в комнату с букетом дорогих цветов и отдал его девушке. При этом его взгляд скользнул по открытому альбому, и на его лице выразилось удивление.

– Это ваш альбом эскизов? Я знал, что вы рисуете, но этот набросок говорит о выдающемся таланте.

– Это не моя работа, – коротко, почти резко ответила Алиса, закрывая альбом и отодвигая его в сторону. Затем она жестом пригласила гостя сесть и переменяла тему разговора. – Я еще не поблагодарила вас за фотографию вашего замка. Он удивительно живописен.

– Да, это на самом деле так, – подтвердил граф. – Он построен еще в средние века и сохранился до наших дней. Ваша родина заселена недавно, мисс Морленд, поэтому там нет древних рыцарских поместий с их историческим прошлым. А для нас в них таится история веков, прошлое многих поколений. Мы очень гордимся своим родовым гнездом, но после смерти моей матери (а это случилось десять лет назад) оно осиротело, отец не пожелал приводить туда новую хозяйку.

– Это зависело от графа, – сказала мисс Морленд.

– Да, но теперь это зависит от вас, Алиса. – Граф встал и пошел к ней. – Будьте добры, выслушайте меня! Может быть, после такого короткого знакомства я еще не имею права просить вашей руки, но кто же согласится ждать, когда речь идет о счастье? Смею я говорить?

– Я вас слушаю.

Граф Равенсберг сделал ей предложение в свойственных ему рыцарских изысканных выражениях. Это было предложение, но не объяснение в любви, хотя в нем слышались страстные нотки, уже проскользнувшие в разговоре с Морлендом.

Однако эта страсть осталась безответной. Алиса слушала его, глядя на букет орхидей, который держала в руках. Увидев эти редкие цветы, нежные и пестрые, как бабочки, ей почему-то вспомнились генцианы, которые она рвала третьего дня в горах. Как хороши были эти дикие простые горные цветочки со своей бархатной синевой! И перед ней снова воскресла вся картина: блестящее озеро, неподвижные утесы, бурный горный водопад и фигура встреченного там человека... Минуту спустя видение исчезло, и в ее ушах зазвучал голос Бертольда:

- Что вы мне ответите, Алиса? Услышу ли я «да» из ваших уст?

Он услышал это «да». Алиса дала ему согласие по всей форме и даже позволила обнять и поцеловать себя, однако довольно быстро высвободилась из его объятий.

- Довольно, Бертольд. Теперь нам необходимо объявить отцу и родным, что мы помолвлены. Они ведь ждут этого.

Бертольд отступил, заметно охлажденный. Обнимая Алису, он на минуту забыл, на каких условиях был заключен их союз. Теперь его невеста сама напомнила об этом.

- Неужели даже в такую минуту у вас не найдется для меня нескольких мгновений? - с упреком спросил он.

- Конечно, если вы этого желаете, - улыбнулась Алиса. - Что же вы хотели сказать мне?

Это был странный вопрос для первой минуты помолвки, но мисс Морленд казалось, что все исчерпывалось сделанным ей предложением и данным ею согласием. Лично ей не о чем было говорить с женихом.

- Скоро вы будете носить мое имя, - заговорил он, - будете жить в среде и условиях, чуждых вашей родине.

- Знаю, - спокойно ответила Алиса. - Я вполне понимаю свое будущее положение в немецком обществе и сумею оценить его.

Бертольд почувствовал себя оскорбленным, для своей невесты он был лишь человеком, который намеревался разделить с ней графскую корону.

– В этом я нисколько не сомневаюсь, – ответил он. – Но ведь муж тоже имеет свои права. Я хочу вас, Алиса, вас самих... Мы должны научиться понимать и любить друг друга. Если бы я на это не надеялся... Но ведь это будет? Да?

– Разумеется. Счастье в браке состоит в том, чтобы понимать друг друга и считаться с обоюдными желаниями. Это значительно облегчает жизнь.

Эти слова звучали чересчур обдуманно и трезво и обдали ледяным холодом пробудившееся в Бертольде теплое чувство, он печальным взглядом окинул молодую девушку, которая в такую минуту могла говорить об обязанности «облегчить» друг другу жизнь. Но и с этим ему приходилось мириться, как со многим в этом союзе.

– Вы совершенно правы, – холодно сказал он. – А теперь нам действительно пора пойти к вашему отцу.

Он подал невесте руку, с выражением полнейшего удовлетворения на красивом лице она пошла с ним в салон. Графиня Равенсберг! Красивое, звучное имя! Старинный род, который насчитывает несколько столетий и представительницы которого дважды внесли в свой герб княжескую корону. Но ни одна из этих женщин не имела такой гордой, королевской осанки, не отличалась таким самообладанием, как мисс Алиса Морленд, только что собиравшаяся вступить в этот великосветский круг.

Глава 3

Знаменитый архитектор Гунтрам жил в западной части Берлина. Его дом отличался роскошью и тонким художественным вкусом. Гунтрам жил открыто, на широкую ногу, и в его доме вращалось разнообразное и шумное общество. Он был одним из самых известных и любимых берлинских архитекторов и иногда бывал так завален заказами, что с большим трудом с ними справлялся.

Архитектор сидел в своем кабинете за письменным столом.

Это был человек лет за пятьдесят, с выражением утомления на преждевременно состарившемся лице. Рядом с ним стояла его жена, значительно моложе его, еще красивая, видная женщина в изящном туалете. Супруги вели, очевидно, волновавший их разговор.

– Я знала, что опять будет буря, – сказала жена, – но все-таки не ожидала ничего подобного. Ты просто вышел из себя, а между тем все это дело не имеет особенного значения.

– Не имеет особенного значения? А разве ничего не значит то, что мне снова придется выбросить тысячи на ветер лишь потому, что моему сыну угодно сорить деньгами? Поступил в военную школу всего три года назад, а мне уже не раз приходилось платить его долги! Теперь опять та же история, он преспокойно отправляется в Мец, любезно предоставив тебе сообщить мне «приятную» новость. Но, повторяю тебе, Берта, что я потерял всякое терпение. Я не могу и не хочу больше приносить подобные жертвы!

– Тебе все-таки придется сделать это, – с невозмутимым спокойствием возразила Берта. – Если командир узнает о случившемся, то карьере Адальберта конец. А он так молод и жизнерадостен... может быть, лишь немножко легкомыслен. Тебе не следовало позволять ему становиться офицером.

– Да я с самого начала был против этого, отлично понимая, насколько для подобных характеров опасна военная карьера. Адальберт получает от меня вполне достаточную прибавку к жалованью и должен обходиться этими деньгами.

– Конечно, со временем он и научится обходиться ими, – успокоительным тоном сказала мать, которой казалось благоразумнее не обострять дела в данную минуту. – Он обещал мне это, когда перед отъездом каялся в своих грехах. Бедный мальчик! Он был совсем подавлен случившимся. А ведь как раз сейчас ты строишь виллу для советника Берндта и получил хороший гонорар за проект. Не забывай, что Адальберт – наш единственный сын. К чему нам так усердно копить деньги?

– Копить! – Архитектор горько улыбнулся. – Для этого тебе следовало бы поменьше тратить, а Адальберту – быть поскромнее в своих требованиях.

– Мы живем в берлинском обществе, наш дом всегда открыт для добрых друзей, а это стоит денег. Ты должен бы радоваться, что я беру на себя все общественные обязанности, которые в нашем положении просто необходимы.

Разговор был прерван легким стуком в дверь. Вошедший слуга доложил о приходе архитектора Зигварта, желавшего переговорить с хозяином дома, Гунтрам нервно передернул плечами.

– В настоящее время... Хорошо, попросите его подождать несколько минут.

– Зигварт? – с удивлением переспросила Берта. – Уже восемь часов, и контора давно закрыта. Что ему надо?

Гунтрам наклонился к лежавшим на столе бумагам.

– Вероятно, у него есть ко мне дело.

– Так поздно? Ты окончательно изведешься с этими делами. Ну, а как же быть с Адальбертом? Не забудь, что вся его карьера поставлена на карту.

– Да, да, – нетерпеливо и нервно ответил Гунтрам. – Конечно, мне придется уладить дело. Но теперь оставь меня одного.

Берта вышла, вполне удовлетворенная. Это был обычный исход подобных объяснений, муж всегда уступал ей после более или менее сильных протестов. Она не видела, как он откинулся на спинку кресла и закрыл рукой глаза, словно от мгновенного головокружения, но эта слабость длилась всего несколько минутой, снова выпрямился, а потом позвонил и приказал слуге попросить архитектора в кабинет.

– С чем это вы являетесь так поздно, Зигварт? – спросил он. – Вы ушли из конторы в пять часов. Что могло случиться за это время?

– Нечто необъяснимое, – взволнованно ответил Зигварт. – Я пришел к вам, чтобы выяснить кое-что. Вы знаете, что я вернулся всего неделю назад. Перед отъездом я отдал все свои папки с проектами и эскизами на хранение в вашу контору, так как не оставлял за собой квартиры.

– Помню. По крайней мере, вы говорили мне об этом. Вы получили все папки обратно.

– Я взял их из конторы вскоре после своего приезда, но у меня не было времени просмотреть их. Я привез из Италии много материала, который надо было разобрать и привести в порядок...

– Я это знаю по собственному опыту. Год занятий в Италии не мог пройти даром, кроме того, вы были поразительно прилежны.

– Дело не в этом, – резко перебил его архитектор. – Сегодня после обеда я был в Тиргартене, в новом квартале, где строятся виллы, и видел уже наполовину оконченное здание, которое показалось мне знакомым. Я узнал, что эту виллу строите вы для коммерции советника фон Берндта.

– Чему же вы так удивляетесь? Я уже много лет дружен с советником и сейчас выполняю его заказ.

– Но ведь проект этой виллы взят из моей папки. Это моя работа! – горячо возразил Зигварт. – Что это значит?

– Ваша работа? Что вы хотите этим сказать? Я вас не понимаю.

– Да и я сначала ничего не понял! Меня точно обухом по голове ударило. Я побежал домой, раскрыл папку и убедился, что недостает именно этого проекта. Кто мог вынуть его? Кто мог воспользоваться им без моего ведома?

Он подошел вплотную к Гунтраму. Тот слегка отодвинулся со своим креслом и воскликнул:

– Что за тон! Вы забываетесь, Зигварт! Уж не сошли ли вы с ума? Это просто неслыханно!

В этих словах звучало негодование, хотя голос говорившего слегка дрожал, но Зигварт принял еще более грозный вид.

– Действительно, неслыханно. Я окончил этот проект перед самым отъездом, вычислил до малейших деталей. Это мое самое любимое произведение, на которое я возлагал огромные надежды. Я еще никому не показывал его и берег, как самое дорогое сокровище.

– Мне кажется, что у вас припадок безумия, – спокойно сказал Гунтрам, пожав плечами. – Какое мне дело до ваших планов и проектов? Если что-нибудь из этих документов пропало, то обратитесь к заведующему конторой. У меня есть дела поважнее этого. Если бы я не был знаком с вами уже несколько лет и не знал вас как крайне эксцентричного человека, способного вообразить себе самые невероятные вещи, если бы кому-нибудь вздумалось сделать проект, хоть как-то похожий на ваш, – я иначе ответил бы вам. Но я запрещаю вам подобные оскорбительные намеки. Наш разговор окончен, можете идти.

Зигварт сначала словно окаменел, а затем воскликнул:

– И вы имеете наглость говорить это мне, тому, кого вы обманули и обокрали? Пожалуйста, не вздрагивайте. Проект для постройки берндтской виллы выкраден из моей папки и вы признаетесь в своем мошенничестве, признаетесь, говорю я вам, или...

Он схватил Гунтрама за плечи и начал трясти его.

Гунтрам старался освободиться, ему удалось дотянуться до колокольчика, стоявшего на столе. Он сильно позвонил, зовя на помощь. Дверь открылась, в комнату вбежал слуга, за ним – горничная. Через другую дверь уже входила Берта со своей камеристкой. Все подумали, что на хозяина дома было совершено покушение, и бросились к нему на помощь с криками ужаса и негодования. Он почти без чувств упал в кресло.

– Ради Бога, что случилось? – воскликнула вне себя Берта. – Вы, кажется, с ума сошли, господин Зигварт!

Герман отступил с выражением горького презрения, а его глаза сверкнули угрозой.

– К сожалению, я в полном разуме, и вы в этом скоро убедитесь. Но в присутствии слуг нам неудобно вступать в объяснения. А с вами мы еще поговорим, господин Гунтрам. Я буду отстаивать свои права, в этом можете быть уверены!

И он вышел, изо всей силы хлопнув дверью.

Глава 4

Окрестности провинциального городка Эберсгофена, находящегося в восточной Пруссии на почтовом тракте, были довольно однообразны и вся их привлекательность заключалась исключительно в изобилии лесов, еще сохранившихся в этих местах. На мили вокруг здесь простирается густой бор, который, несмотря на всю свою красоту, придает всей местности какую-то отрешенность от мира.

Небольшое поместье, расположенное близ городских ворот, было окружено большим садом. Дом был прост и старомоден, но очень уютен. На площадке перед домом, под большим буком, стояли стол и несколько стульев. Отсюда открывался вид на зеленые поля и лес.

Под буком сидела пожилая женщина и вязала длинный чулок из серой шерсти. В ее манере держаться и говорить было что-то решительное, а во всем ее облике чувствовалась необыкновенная представительность.

– Я вас спрашиваю, что выйдет из всей этой истории? – сказала она почти повелительным тоном. – Если так будет продолжаться, то все кончится полным крахом. Из-за этого вы перессоритесь с бургомистром и со всем городом. Зигварт, вы неисправимейший упрямец.

Архитектор Зигварт, развалившись, сидел на стуле и, выслушав предназначавшиеся ему поучения, спокойно ответил:

– Совершенно верно, госпожа Герольд.

– Значит, вы согласны со мной? Почему же вы не хотите воспользоваться теми средствами, которые находятся в ваших руках?

– Потому что отвечаю за то, чтобы вся эта история не свалилась отцам города на их мудрые головы. Ведь я управляю стройкой.

– Вы управляете? Но ведь вы...

– Я архитектор-распорядитель на строительстве ратуши в Эберсгофене, – горьким тоном закончил Зигварт. – Так, по крайней мере, меня здесь величают. Я здесь старший управляющий, и больше ничего. Проект ратуши сделан не мной. Мы строим какой-то невероятный ящик, и я должен придерживаться проекта, как ученик заданного урока. Но я, по крайней мере, позабочусь, чтобы здание было прочным. Принимая на себя стройку, я немедленно заявил бургомистру, что в смету заложены не все расходы и что город должен ассигновать значительно большую сумму, если желает построить что-то солидное. Уже целый год я препираюсь из-за этого с властью имущими. Если так будет продолжаться, то я брошу это дело.

– Это похоже на вас. Вы всегда пытаетесь пробить головой стену. Зачем же в таком случае вы взялись за эту работу?

– Потому что мне надо на что-то жить, – резко возразил архитектор. – А на этом месте у меня еще осталось время заниматься другими работами.

– Да, да, и вы с успехом использовали это свободное время. Всю зиму просидели дома, как суслик в норе.

– У меня была задумана большая работа, которую во что бы то ни стало надо, было, окончить.

– Но из этого вовсе не следует, что надо было жить таким мизантропом, вы ведь отказывались буквально от каждого приглашения, вас ни разу не видели за ужином в «Солнце», где собирались другие служащие, и этим вы всех оттолкнули от себя. Ведь было же у вас время бродить целыми часами в лесу по глубокому снегу.

Несмотря на резкий тон, в упреках Герольд слышалась материнская заботливость. Зигварт спокойно позволял отчитывать себя, так как с детства привык к этим нравоучениям. В те времена Герольд часто делала выговоры сыну старшего лесничего, который учился в городской школе и всегда был заводилой всевозможных школьных проказ. Она осталась верна этой привычке и по отношению к взрослому Зигварту, который и теперь редко возражал ей. Однако услышав ее последние слова, он сделал резкое движение.

– Этого вы не можете понять. У каждого человека должно быть какое-то увлечение, без которого он просто не может жить, а здесь, в Эберсгофене, я мог погибнуть. Я пропал бы без этих долгих лесных прогулок в одиночестве, во время которых ощущал, что я тоже человек и имею право на существование.

– Разумеется, ведь наш Эберсгофен у вас не в чести! – сердито заявила старушка. – Между тем это такой же город...

– С целыми восемью тысячами жителей и, конечно, со всевозможными социальными и всякими иными преимуществами...

– Перестаньте! Я не позволю поносить мой родной город в моем собственном доме. Если вы будете постоянно сердить меня своими вечными насмешками...

– То вы меня выставите, – закончил архитектор. – Мне придется уложить свой чемодан и убираться вон, куда глаза глядят. Может быть, это было бы самое разумное.

– Это было бы величайшей глупостью, какую вы только могли бы сделать, – сердито крикнула старушка. – Если вам тяжело в Эберсгофене, почему не обратитесь к графу Равенсбергу? У него везде связи и знакомства, и стоит ему сказать только одно слово, чтобы вы получили хорошее место. Но вы об этом, конечно, и не подумаете.

– Нет, – коротко и твердо ответил Зигварт.

– Это только доказывает вашу глубокую благодарность человеку, который так долго покровительствовал вам. Что вы имеете против графа? Вы всем обязаны ему – воспитанием, образованием. После смерти лесничего он заботился о вас как отец.

– Я знаю, чем обязан графу, – перебил ее архитектор. – Именно поэтому я не хотел беспокоить его своей просьбой. Раз и навсегда прекратим этот разговор!

Непоколебимая твердость этих слов окончательно вывела из себя Герольд. Она сердито бросила вязанье на стол и воскликнула:

– Хватит! Теперь хоть весь мир перевернись вверх ногами, а уж вы настаите на своем. Посмотрим, как вы сами пробьетесь, больше я не скажу ни слова.

Она стремительно направилась в дом.

Зигварт остался один. Он заметно изменился за истекшие два года: на лбу появилась глубокая морщина, около рта залегла горькая складка, которой прежде не было, на его лице запечатлелись следы тяжелых испытаний, хотя ему не было еще и тридцати лет.

Почти целый год он пытался доказать, что проект принадлежит ему и все-таки был побежден – Гунтрам легко с ним справился. После бурной сцены замять это дело оказалось невозможным, оно стало достоянием окружающих и возбудило много толков. Тогда Гунтрам обвинил своего прежнего ученика в клевете. Ему, разумеется, поверили. Да и кто же мог бы заподозрить в обмане известного архитектора, почтенного человека с седыми волосами? А что представлял собой Герман Зигварт? Молодой, никому неизвестный человек, который, может быть, просто хотел выманить какую-то сумму своим дерзким, ничем недоказанным обвинением. Конечно, его осудили, даже не выслушав.

С тех пор Герман везде натыкался на запертые двери и оскорбительные отказы. Он боролся изо всех сил, ни за что не хотел уступать того, что принадлежало ему по праву, но нужда заставила его покориться.

Разумеется, он лишился своего места, и Гунтрам позаботился, чтобы он не нашел работы в Берлине. Наконец Зигварту удалось устроиться в Эберсгофене, и уже целый год он тянул здесь лямку, чтобы прокормиться.

В душе Зигварт все еще не мог смириться с причиненной ему несправедливостью. Кроме того, в Эберсгофене он был словно заживо погребен. Со времени своего студенчества он все время вел в Берлине активный образ

жизни, теперь же засел в провинциальном захолустье со всем его мещанством, не интересовавшимся ничем, кроме сплетен и пересудов. Иногда ему казалось, что он должен стряхнуть с себя всех этих людишек и бежать далеко-далеко, пока сил хватит, но до сих пор еще выносил эту жизнь. Зигварт был не из тех, кто легко покоряется судьбе. Он готов был бороться с ней не на жизнь, а на смерть. Ему, как сильной натуре, это даже нравилось. Но сидеть и терпеливо ждать, пока – еще Бог весть когда – представится возможность вернуться к настоящей жизни, – вот что было для него пыткой.

Долго сидел он, погруженный в мрачные мысли, и поднял голову, только когда скрипнула калитка, выходящая в поле. У входа в сад появилась фигура, при виде которой архитектор был глубоко изумлен.

– Что это значит? – пробормотал он. – Самое высокопоставленное в Эберсгофене лицо собственной персоной! Придется вытерпеть этот визит.

Бургомистр Клаудиус был маленьким, довольно тучным господином, все существо которого говорило о довольстве и благоденствии, несмотря на все его старания придать себе глубокомысленный и значительный вид.

– Добрый вечер, господин архитектор, – заговорил он. – Я осматривал свои поля и завернул к вам. Как поживаете?

Зигварт не мог понять причины столь неожиданного визита, он и бургомистр не были в приятельских отношениях, так как строительство ратуши не раз давало повод к разного рода столкновениям. Но на этот раз Клаудиус казался настроенным очень мирно. Он уселся на предложенный ему стул и спросил:

– Вы сегодня рано ушли со стройки?

– Да, потому что сегодня суббота, а по субботам рабочий день на час короче.

– Очень жаль, вы кое-что пропустили, с экстренной почтой к нам приехал иностранец, мистер Вильям из Нью-Йорка.

– Как, вы уже знаете его имя? Уж не велели ли вы своей тайной полиции следить за этим янки с первого же его шага?

– Я беседовал с ним, он говорит по-немецки. Когда он подъехал, я пил свой послеобеденный кофе в «Солнце». Удивительный человек! Знаете ли, с чего он начал? Он прежде всего пошел к новой ратуше, осмотрел ее и покачал головой. Томас видел это.

– Чего только не видит и не слышит Томас! – с досадой проговорил архитектор. – Если на стройке кто-нибудь чихнет или обзовет другого дураком, он немедленно бежит и докладывает об этом. Великолепный образец полицейского!

– Томас только исполняет свои обязанности. Раз он служит в полиции, то обязан смотреть за порядком. Кроме того, я поручил ему внимательно наблюдать за приезжим. Как вы думаете, что понадобилось этому господину в Эберсгофене?

– Об этом вам следует спросить у него.

– Ну, я поостерегусь сделать это. У него такой солидный, даже надменный вид. Впрочем, все американцы таковы. Может быть, вы знаете его?

– Я? Как я могу знать этого иностранца, свалившегося в Эберсгофен Бог весть откуда, как снег на голову.

– Да, удивительно! А знаете, ведь он спрашивал, где вы живете.

Теперь архитектор понял причину неожиданного визита бургомистра, отличавшегося необычным любопытством. Известие, что приезжий американец интересовался архитектором Зигвартом, поразило почтенных чиновников, и представитель городской власти решил лично расследовать это дело.

– В Берлине мне приходилось встречаться с американцами, – сказал Зигварт, – но этого имени я что-то не помню. Может быть, он только сошел на станции, а приехал в Равенсберг. Ведь графиня – американка из Нью-Йорка.

– Вероятно, так оно и есть! – воскликнул Клаудиус, которому эта мысль до сих пор не приходила в голову. – Равенсберги действительно вернулись в имение. Там теперь и старый граф, и молодой граф с женой, и целым придворным штатом. Хотя замок и большой, но в нем едва все разместились. Да, такие

господа умеют жить! А ведь всем известно, каковы были их дела два года тому назад. Не женись тогда молодой граф на миллионерше, не избежать Равенсбергу участи Графенау. Красива, должно быть, молодая графиня, но зато горда и надменна. Впрочем, все Равенсберги кичились своим происхождением. У кого не было шестнадцати предков, тот для них не существовал. А теперь последний представитель старинного рода женился на мисс Морленд.

– Родословное дерево в наши дни не имеет большого значения, – заметил Зигварт, – сейчас властвует капитал. С одной стороны – миллион, а с другой – графская корона, это вполне современно.

В словах архитектора звучало с трудом скрываемое презрение. Но Клаудиус, видимо, находил подобный образ действий в порядке вещей и утвердительно кивнул головой.

– Да, многое на свете изменилось, – сказал он, собираясь с силами для новой тирады, но вдруг заметил вошедшего в сад незнакомца и чуть не подпрыгнул от изумления.

Незнакомец поклонился и спросил:

– Где я могу видеть господина Зигварта?

– Это я, – вставая, проговорил архитектор.

Больше он не успел ничего сказать, потому что Клаудиус бросился к пришедшему и рассыпался перед ним в любезностях.

– А, мистер Вильям! Я уже имел честь познакомиться с вами. Вы ищите нашего архитектора? Позвольте мне познакомить вас.

– Меня зовут Вильям, – обратился американец к Зигварту, не обращая внимания на бургомистра, но от него не так легко было отделаться.

– Я не понял ваших намерений. Если бы я только мог предположить, что вы желаете переговорить с господином Зигвартом...

- Да, и наедине, - решительно ответил Вильям.

- О, я не хочу вам мешать.

Бургомистр, однако, не двинулся с места, пока Зигварт не пригласил американца в свою комнату, извинившись перед Клаудиусом, который с мучительным любопытством посмотрел вслед уходившим, не решаясь следовать за ними после такого решительного отпора.

- Как много говорит этот господин! - заметил американец, входя в дом.

- К сожалению, это у него хроническое. Пожалуйста, направо, мистер Вильям.

Он ввел американца в свой мезонин, состоявший из двух комнат. Одна служила ему кабинетом и выходила окнами в сад. Это была большая, довольно низкая комната, обставленная старинной мебелью госпожи Герольд. Под одной стеной стоял большой диван со столом и стульями, у противоположной - два шкафа с книгами и папками с чертежами, а у окна - большой письменный и чертежный столы.

Американец сел на диван и внимательно огляделся.

- Мне кажется, в этом городе все очень любопытны, - заговорил он. - Или иностранцы здесь - большая редкость? До самого вашего дома за мной шел какой-то высокий человек с большой саблей. Вон он стоит у калитки сада, как часовой.

Поняв, в чем дело, Зигварт едва удержался от улыбки.

- Это был почетный караул, вся вооруженная власть Эберсгофена, наш полицейский Томас. Он всегда ходит с большой саблей, но еще никому не причинил ею зла.

- Здесь в этом нет никакой необходимости, - презрительно заметил американец. - Эберсгофен - такой маленький город.

– Да, с Нью-Йорком ему, разумеется, не сравниться, – с сердцем ответил архитектор, – но в нем есть, по крайней мере, одна достопримечательность, а именно новая ратуша.

– Я уже видел ее, – кивнул головой иностранец.

– И увидев, покачали головой. Позвольте выразить вам свое уважение, мистер Вильям, у вас глаз наметан.

– Значит, проект составлен не вами?

– Нет, я, к сожалению, не достоин этой чести. Проект сделан светилом архитектуры, тайным советником и так далее. Я только руковожу стройкой, но нельзя сказать, чтобы работа шла быстро, мы строим ратушу уже второй год. У нас все должно совершаться с толком и расстановкой. Сначала документы должны пройти бесчисленное количество инстанций, затем полдюжины писарей испишут себе в кровь пальцы. Каждый кирпич должен быть записан в смету, каждый рабочий подробно проинструктирован. Когда же, наконец, работа начата, то оказывается, что не хватает денег и надо их еще накопить. А тут еще вечные пересуды, сплетни, дразги, от которых не избавишься, хоть из кожи вылезь!

– Почему же вы не вылезаете из кожи? – американец, очевидно, не понял последней фразы Зигварта.

– Потому что это пренеприятная процедура! Вы, верно, еще ни разу не пробовали этим заниматься.

– Нет, но мне хотелось бы знать, почему вы продолжаете здесь работать? Ведь прежде вы жили в Берлине?

Зигварт удивился, что американец знал об этом, и ответил уклончиво:

– Да, прежде, но уже год, как я оттуда уехал.

– А почему вы уехали?

- Это мое личное дело и никого, кроме меня, не касается.

В его голосе звучали нетерпение и раздражение, но американец, глядя своими пронзительными серыми глазами на архитектора, спокойно проговорил:

- Я хочу это знать.

- А я не хочу вам отвечать! Да и чему я обязан честью вашего посещения? Мы ведь совершенно незнакомы друг с другом. Смею спросить, что именно привело вас ко мне?

Американец указал на открытый шкаф, из которого выглядывали папки с чертежами.

- Это, вероятно, ваши проекты? Мне было бы интересно познакомиться с ними.

Зигварт был так поражен этим заявлением, что в первую минуту не нашелся, что ответить, потом насмешливо улыбнулся.

- Очень сожалею, но я не показываю своих чертежей первому встречному, всяким посторонним людям. Я стал осторожнее с тех пор, как меня научил этому горький опыт. Да и что вам за дело до моих чертежей и планов? Не собираетесь ли вы поселиться в Эберсгофене и построить себе виллу?

- Нет, я в Европе только проездом. Нам, американцам, это не подходит, здесь, среди мелкой будничной суеты, не подходящее место для больших замыслов. Мы далеко опередили вашу маленькую Германию, очень далеко.

- Что? - воскликнул в сильнейшем раздражении Зигварт. - Нечего издеваться над Германией! В своем доме я этого не позволю. Всякий, кто посмеет сказать хоть слово против Германии, пусть убирается к черту!

- Мистер Зигварт, вы становитесь грубы, - спокойно перебил его Вильям.

- Очень рад, что вы это наконец заметили, - Зигварт с гневом вскочил со стула, ожидая сильного отпора со стороны гостя, но тот продолжал спокойно смотреть на него своими пронзительными, холодными, испытующими глазами, а потом

встал и сказал с невозмутимым спокойствием:

– Вы удивительный человек, мистер Зигварт, вы заинтересовали меня, и я еще вернусь.

С этими словами он взял со стола свою шляпу и с тем же невозмутимым видом направился к двери.

Глава 5

Замок Равенсберг и принадлежавшие ему поместья с большими лесными угодьями находились всего в часе езды от Эберсгофена. Прежде всего эти земли принадлежали графскому роду, многочисленному и богатому, но теперь почти угасшему и совершенно обедневшему. Небрежное ведение хозяйства, расточительность, привычка жить на широкую ногу, когда средства уже не позволяли этого, мало-помалу поглотили крупное состояние. Теперешний хозяин Равенсберга получил от своего отца уже сильно обремененное долгами имение и так «постарался», что окончательно разорил его.

Граф Бертольд провел довольно бурную молодость. И его недаром звали «безумным Равенсбергом». Наделенный незаурядной внешностью и страстным темпераментом, он везде одерживал многочисленные победы, особенно над женщинами, и относился к этим победам с беззаботностью баловня судьбы, не думая, что часто разрушает счастье других. Только один раз дело приняло настолько серьезный оборот, что встревожило всю семью Равенсбергов. Бертольд влюбился в экономку матери, бедную сироту, рекомендованную графине одной ее приятельницей. Молодой граф готов был махнуть рукой на родовые предрассудки и собирался даже тайно обвенчаться со своей возлюбленной. К счастью, родные вовремя успели вмешаться в дело и отправили молодого графа путешествовать, компаньонка же исчезла из замка. Роман кончился разлукой. Унаследовав после смерти отца Равенсберг, граф Бертольд женился на девушке из хорошей семьи, которая подарила ему желанного наследника и продолжателя рода. Все это случилось очень давно, графиня скончалась десять лет назад, сын подрос, а сам граф стал в последние годы интересоваться политикой и считался одним из вождей консервативной партии. Между тем состояние таяло. Граф уже давно был только номинальным

владельцем своих имений, долги которых росли с каждым годом, но Равенсберг не считал нужным перестать играть роль богатого землевладельца, которую играл всю жизнь, пока ему не стало грозить полное банкротство. Тогда он ухватился за последнее средство к спасению: женил своего единственного сына, также Бертольда, на богатой мисс Морленд и этим спас свои имения. Венчание состоялось в Нью-Йорке, потом молодые отправились в свадебное путешествие вокруг света, длившееся целый год, и вернулись в Берлин. Тут молодая графиня была представлена ко двору и со своей красотой и богатством играла выдающуюся роль в берлинском обществе, где молодые провели всю зиму. Теперь они приехали в Равенсберг, служивший летним местопребыванием графской семьи. Граф Равенсберг сидел с сыном на террасе. Старику было за пятьдесят, но он до сих пор отличался красивой внешностью, статной фигурой и волевыми чертами лица, а его голубые глаза горели почти юношеским огнем.

Рядом с ним сын со своим мягким и утомленным лицом казался очень невзрачным. Даже теперь, в оживленном разговоре с отцом, он был бледен и имел усталый вид. Поводом к разговору служило известие, прочитанное им в лежавшей перед ним нью-йоркской газете.

– Уверю тебя, папа, – произнес Бертольд, – это совершенно другой мир. Невозможно с нашими обычными мерками подходить к условиям американской жизни. Я не думал, что деятельность Морленда так велика и разнообразна. В его конторах перекрещиваются тысячи нитей, сталкиваются всевозможные интересы. Едва лишь были приобретены участки близ одной из станций западной железной дороги, как тут же появился целый отряд архитекторов с планами и проектами. Я уверен, что через десять лет там вырастет целый город. И во главе этого предприятия опять-таки стоит Морленд. Просто голова идет кругом при виде такой невероятной работоспособности.

– Да, американцы умеют гоняться за наживой, – холодно возразил отец Бертольда. – Я удивляюсь, как еще Морленд находит время бывать в Европе.

– Ему хочется повидать Алису, а может быть, и отдохнуть от деловой горячки, В последнее время он постоянно ездил из Нью-Йорка в Хейзлтон (это новое поселение) и обратно и, очевидно, утомился, а потому и постарался на несколько месяцев освободиться от дел. Его работа не оставляет ему ни минуты свободного времени.

– Очевидно! Его секретарь приехал раньше него и уже успел здесь устроиться. Он привез с собой пишущие машинки и машинисток и теперь ветхие комнаты в Равенсберге напоминают филиал нью-йоркской конторы.

– Папа! – с легким упреком в голосе проговорил Бертольд. – Ведь этой конторе мы обязаны тем, что Равенсберг не имеет долгов, и доходы с него предоставлены в твое распоряжение.

– И все-таки Равенсберг в закладе у твоей жены, – резко возразил граф. – Получаемой тобой ренты вполне достаточно, чтобы вести приличный образ жизни, но самого приданого тебе никогда не видать. Ты не должен был соглашаться на такие условия.

– Тогда Морленд взял бы назад свое слово, а, в таком случае, что было бы с нами?

– Ну даже если тебе в минуту крайней нужды и пришлось принять такие унижительные условия, то ты мог бы изменить их потом. Мужу принадлежит то, что имеет жена. Одним взмахом пера Алиса могла бы перевести все на твое имя. Но ты не умеешь на нее влиять.

– Алиса не поддается ничьему влиянию, – тихо сказал Бертольд. – Она самостоятельна, как все американки.

– И, конечно, понимает всю власть, которую дал ей в руки ее брачный контракт. Она дочь своего отца, а эти выскочки умеют считать деньги.

– Папа, Алиса – моя жена!

– Знаю, и тебе незачем напоминать мне об этом. Она носит наше имя, но даже будучи графиней Равенсберг, все-таки остается Алисой Морленд. Она не понимает наших интересов и даже не хочет знать о них. Что для нее наш древний аристократический род, наше имя, блиставшее в продолжение многих столетий? Украшение, которым она щеголяет при случае и на которое позарилась из тщеславия, чтобы не отстать от других. Благодаря своим миллионам, она и ее отец считают себя равными нам.

– Да и в глазах всего света они нисколько не ниже нас, – с горечью возразил Бертольд. – Ты не хочешь согласиться, что деньги в наше время стали силой, перед которой преклоняются все. Разве мы с вами не были вынуждены сделать то же самое?

– Преклониться! Да ведь ты предложил ей гораздо больше, чем она могла дать тебе. Я не противился такой женитьбе, потому что в ней одной было наше спасение, но теперь ты муж, глава дома, или, по крайней мере, должен быть им. Эта умная, холодная американка сумела сделать из тебя покорного супруга. К тому же ты был влюблен в нее, да влюблен и до сих пор, а она никогда не ответила на твою любовь.

– Потому что она вообще не способна на чувства. Холодность в ее натуре.

– Возможно! Но в ее глазах есть что-то далекое от холодности и равнодушия. Пока она еще не потрудились сильно заинтересоваться чем-нибудь, а ты не такой человек, который мог бы научить этому. Но берегись! Она может проснуться.

Услышав такое бесцеремонное предостережение, молодой граф побледнел, но ничего не ответил. То, что сейчас было произнесено, уже давно мучило его душу смутными опасениями. Он с тайным беспокойством ожидал встречи своего отца с тестем. После помолвки дочери Морленд лишь несколько недель провел в Графенау, у своих родственников, чтобы ознакомиться с Равенсбергом и привести в порядок запутанные дела. Тогда старый граф слишком осознавал близившуюся катастрофу, чтобы не отнестись к американцу с полнейшей предупредительностью, желая этого брака, тот в свою очередь отвечал графу тем же. Теперь, когда сделка была заключена и оформлена, и когда предстояло несколько месяцев прожить под одной крышей, обстоятельства могли измениться.

Несколько минут длилось молчание. В стеклянной двери террасы появилась молодая графиня в амазонке и с хлыстиком в руке.

Алиса нисколько не изменилась. Она сохранила свой холодный, надменный вид, свою прежнюю самоуверенность, но стала еще красивее, чем была девушкой. Она подошла к собеседникам. Граф встал и приветствовал ее с рыцарской вежливостью, она отнеслась к нему с почтительностью дочери.

– У нас сегодня к обеду будут гости, – сказала она. – Мой отец поехал в Графенау и надеется привезти с собой родственников.

– Бертольд уже говорил мне об этом, – небрежно ответил граф. – Ты каталась верхом?

– Да, папа. Я побывала в лесном уголке, в охотничьем домике.

Бертольд вздрогнул. Утром он предложил жене совершить совместную прогулку, но она отказалась, сославшись на жару. Теперь, после полудня, было не менее жарко, но она пожелала ехать одна.

Молодая женщина села между мужем и свекром и продолжала, играя хлыстиком:

– Я начинаю знакомиться с Равенсбергом. Он красив, но страшно однообразен. В этих бесконечных лесах чувствуешь себя замурованной, отрезанной от всего мира.

– Мне казалось, что этой зимой мы вполне насладились светом, – возразил старый граф, – и я всей душой стремился в мой тихий Равенсберг. Конечно, было необходимо представить тебя ко двору и ввести в наше общество, но это был просто какой-то безумный вихрь развлечений, в котором невозможно было опомниться.

– Да, и это так утомительно, – сказал Бертольд, опустив голову на руки.

Жена взглянула на него сострадательно, но холодно.

– Бедный Бертольд! Ты очень нервный и действительно не создан для такой жизни. Ты даже во время нашего путешествия постоянно казался утомленным и, наверно, охотно вернулся бы домой через три месяца.

– А меня никогда не могли бы утомить путешествия, – сказал Равенсберг. – Прежде чем заняться политикой, я много и часто путешествовал, постепенно знакомясь с теми странами, которые считал образцовыми. Но вы за один год изъездили весь свет. Постоянно новые страны и новые люди, новые картины и

новые впечатления... это должно производить ошеломляющее впечатление.

– К такому калейдоскопу скоро привыкаешь, и если он утомляет, то исключительно своим однообразием, – улыбнулась Алиса. – Всюду новые декорации и костюмы, но ведь люди, в сущности, все те же. Кто надеется встретиться с чем-нибудь интересным, выдающимся, наверно, ошибется в своих расчетах. При ближайшем знакомстве все оказывается будничной, серенькой прозой.

– Такое мудрое рассуждение несколько преждевременно для двадцатидвухлетней женщины, – сухо заметил граф.

– У нас рано познают жизнь, папа, и начинают судить о ней в том возрасте, когда у вас молодые девушки находятся еще в полной зависимости от родителей. Я уже многое видела и испытала, но, в сущности, еще ничего не пережила.

– Но ведь ты вышла замуж, и, следовательно... – резко заметил старый граф.

– Разумеется, но ведь это делает каждая женщина, если ей предоставляется выбор, замужество вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, но настоящее событие я представляю себе иначе.

Бертольд уже собирался вмешаться в разговор, потому что видел, как омрачилось лицо отца. Но помощь пришла с совершенно неожиданной стороны, вошел лакей и доложил, что графа желает видеть архитектор Зигварт.

– Зигварт? Да, я действительно просил его прийти в это время. Бертольд, ты знаешь, что он уже целый год в Эберсгофене?

И граф Равенсберг ушел с террасы.

Алисе имя архитектора Зигварта было совершенно незнакомо, и она равнодушно спросила:

– Вы собираетесь делать какие-то пристройки к замку?

– Нет, Зигварт – воспитанник моего отца, – ответил Бертольд, – он сын нашего прежнего старшего лесничего. Папа принял осиротевшего мальчика под свое покровительство, воспитал его, дал ему образование и очень любит его.

– В самом деле? – равнодушно заметила молодая женщина. – А теперь мне надо переодеться к обеду. Я еще в амазонке, а гости могут уже скоро приехать.

Бертольд смотрел, как спускалась со ступенек террасы эта стройная и гордая обладательница Равенсберга. Она поддержала своими деньгами готовый рухнуть графский дом, и молодой граф, может быть, чувствовал это глубже и больнее отца. Он напрасно надеялся на то, что он и его жена будут понимать и любить друг друга! За эти два года брачной жизни они не только остались чужими, но все более отдалялись друг от друга. Если бы Бертольд обладал энергичной натурой своего отца, Алиса, может быть, и чувствовала бы к нему что-нибудь, кроме снисходительной жалости, в которой порой сквозило даже презрение. Бедный Бертольд часто чувствовал это, но все-таки любил красивую, холодную женщину, вступление которой в берлинское общество сопровождалось целым рядом триумфов и обладание которой возбуждало во многих зависть к нему. Но, глядя теперь на Бертольда, откинувшегося на спинку стула с горьким выражением на плотно сжатых губах, никто не назвал бы его счастливым человеком.

Между тем его отец вошел в свой кабинет – большую угловую комнату, высокую и мрачную, в которой находился шкаф с дорогими охотничьими ружьями, свидетельствовавшими о том, что граф – страстный охотник. У окна стоял Герман Зигварт. Увидев входящего графа, он сделал несколько шагов ему навстречу и поклонился.

– Добро пожаловать, Герман, – проговорил граф, протягивая руку. – Давно мы не виделись, очень давно! Уж в Берлине мы редко встречались, а в Эберсгофене ты точно сквозь землю провалился. Ты знаешь, что я бываю здесь только летом, и, уезжая в Италию, даже не попрощался со мной, а ограничился прощальным письмом.

– Я заходил к вам, граф, – извинился архитектор, – но не застал вас дома, а затем больше не хотел беспокоить. В Берлине у вас всегда так много дел.

– Беспокоить? Что за глупости! Ты отлично знаешь, что для тебя у меня всегда найдется время. А теперь присядем и поболтаем, чтобы я мог поближе познакомиться с твоими делами. Ну как тебе работается? Принесла ли тебе пользу поездка в Италию? Ты ведь провел там год и полгода в Риме? Мне кажется, что это слишком короткий срок для серьезных занятий и что тебе, в сущности, следовало побывать в Париже.

– Но моей стипендии могло хватить только на год, и я вынужден был считаться с этим, – возразил архитектор.

– Ты был вынужден! Ты просто был до безумия упрям. Ведь я же предлагал тебе удвоить сумму, предлагал вообще взять эту поездку на себя, но ты отказался. Не мог же я силой навязывать тебе эти деньги.

– Для меня было вполне достаточно полученной суммы, и я не хотел злоупотреблять вашей добротой. Вы и так многим для меня пожертвовали.

– Глупости! Тебе следовало бы знать, что для меня это вовсе не жертва, а между тем более продолжительное пребывание за границей, безусловно, пошло бы тебе на пользу. Теперь ты стоишь на своих ногах и строишь новую ратушу в Эберсгофене. Во всяком случае, это хоть какое-то начало самостоятельной деятельности, хотя, конечно, в таком городишке тебя не могут ни заметить, ни оценить. Ты захватил с собой проект ратуши? Мне интересно познакомиться с твоим первым самостоятельным трудом.

– Вы ошибаетесь, граф. Проект сделан не мной, а тайным советником Бергером. Как чиновник, он не имеет права лично руководить стройкой и потому поручил ее мне.

– Проект не твой? – изумленно воскликнул граф. – Так почему же ты торчишь целый год в этом захолустье? Герман, я решительно не понимаю тебя.

– Я не мог найти другого места. Начинающему архитектору не приходится выбирать, надо соглашаться на то, что попадается.

– Почему же в таком случае ты не остался в Берлине? Ты же работал у Гунтрама, мог иметь постоянную работу и, даже уходя от него, мог бы попросить рекомендацию.

– На это я, к сожалению, не мог рассчитывать, – притворно спокойным тоном, ответил Герман. – Я не сладил с господином Гунтрамом.

– Не сладил! Ученик с учителем? Ты еще молод, только начинаешь свою карьеру, и тебе следовало бы прислушиваться к нему! – неодобрительно заметил граф, очевидно, думая, что речь идет лишь о различии во взглядах.

Зигварт ничего не ответил. Из горького опыта он знал, что ему не поверят, что и здесь он встретит то же недоверие и пожимание плеч, с которыми ему обычно советовали подчиниться мнению учителя. Однако против этого он возмущался всей душой! Он молчал, но его рука судорожно сжимала подлокотник кресла, свидетельствуя о муке, которую он переживал во время этого экзамена.

– Ты, очевидно, переоценил свои способности, желая пробиться исключительно самостоятельно. Это ошибка молодости, за которую тебе, по-видимому, придется платить. Ты работаешь в Эберсгофене только из упрямства, но это не только приостановка роста твоей карьеры, а даже шаг назад. Возвращайся в Берлин или уезжай в Париж и старайся наверстать упущенное. Я предлагаю тебе необходимые для этого средства. А когда вернешься и захочешь устроиться самостоятельно, мы поговорим!

Предложение было великодушным, однако Зигварт холодно ответил:

– Благодарю вас, но простите, если и на этот раз я не воспользуюсь вашей добротой. Я занимаю очень скромную должность, но она дает мне средства к существованию и позволяет повышать свое образование. Я вполне доволен.

Равенсберг вскочил, и его глаза вспыхнули огнем.

– Ну тогда оставайся здесь и губи свою карьеру единственно из-за своего упрямства и каприза. Мне уже надоело слушать на все «нет» и «нет». Я ждал от тебя большего, но если ты доволен таким жалким положением, то, значит, не годишься для того большого будущего, дорогу к которому я тебе открыл, кто хочет оставаться внизу, того трудно поднять вверх. Ступай и оставайся в Эберсгофене!

Зигварт молча поклонился и вышел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, граф повернулся и сделал невольное движение, как будто желая удержать его.

– Герман! – воскликнул он, но сдержался и только топнул ногой. – Нет, я не могу уступить этому упрямцу, как уже столько раз уступал. Ему необходимо наконец образумиться.

Кто знал вспыльчивого и властолюбивого Равенсберга, не переносившего малейшего противоречия даже от собственного сына, тот удивился бы, как скоро улегся его гнев.

– Упрямая голова! – пробормотал он, но уже улыбаясь, и, подойдя к столу, начал разбирать почту.

Зигварт быстро прошел примыкавшую к кабинету комнату, в передней он остановился и с облегчением вздохнул, как будто сбросил с себя тяжелую ношу. Для него всегда были неприятны эти аудиенции, он часто упрекал себя в неблагодарности человеку, которому был обязан воспитанием и образованием, который осыпал его благодеяниями, но... не мог быть благодарным. Каждый раз, когда он старался вызвать в себе это чувство, что-то возмущалось в нем, какой-то темный, враждебный инстинкт запрещал ему это, и чем больше он старался побороть себя, тем сильнее становилось это загадочное ощущение. Он боролся с этим чувством с самых детских лет, несколько минут назад он скорее согласился бы умереть, чем сознаться в настоящей причине разрыва с Гунтрамом. И снова пользоваться благодеяниями? Нет! Ни за что! Пусть все будет по-прежнему, он во что бы то ни стало сохранит свою самостоятельность.

У домика сторожа при въезде в парк Зигварт встретил графский экипаж. Окинув беглым взглядом сидевших в нем двух мужчин и даму, он удивился и обратился к сторожу:

– Кто эти господа?

– Владельцы Графенау, господин и госпожа фон Берндт.

– А господин, сидевший на переднем сиденье рядом с дамой?

– Это отец нашей молодой графини, мистер Вильям Морленд, – с важностью ответил сторож. – Они только вчера прибыли.

Зигварт слегка улыбнулся. Он кивнул головой сторожу и пошел дальше.

Итак, его посетил сам Вильям Морленд, американский миллионер. А он сам так бесцеремонно обошелся с ним вчера! Но что могло побудить этого господина явиться к нему, назвав лишь имя, а не фамилию, и упорно сохраняя инкогнито?

Сперва Зигварт увидел в инциденте только комическую сторону, но потом стал досадовать, находя его глупым. Вот уже год, как он сидит в этой глуши и сердится на судьбу, не дающую ему выйти из тяжелого положения, этот человек, отыскавший его в этой глуши, держит в своих руках тысячи нитей, благодаря которым можно вернуться в мир, в жизнь, – и что же? Зигварт сам выпроводил его за дверь, наговорив кучу грубостей! Он, конечно, уже не вернется.

– Да, это была величайшая глупость, – проговорил сам себе молодой человек, – увы! Не первая и, вероятно, не последняя. Но, в сущности, я прав. Если кто-нибудь посмеет в моем доме поносить мое отечество, то опять будет немедленно выставлен за дверь, будь он хоть десять раз миллионером!

И, упрямо трянув головой, он повернул на дорогу в Эберсгофен.

Между тем гости подъехали к крыльцу, где были встречены молодой четой. Их пригласили в гостиную, поболтать до обеда. Вдруг Морленд обратился к своему зятю:

– Был у вас сейчас архитектор Зигварт?

– Да, он был у моего отца. Вы с ним знакомы? Наверно, встречались в Берлине?

– Нет, я видел его вчера в Эберсгофене.

– Ты там останавливался, папа? – спросила Алиса. – Мы были поражены, что ты так внезапно приехал, даже не приказав выслать экипаж прямо на станцию.

- У меня были на это свои причины, – последовал лаконичный ответ.
- Архитектор Зигварт? – переспросил Берндт, – разве он теперь в Эберсгофене? Впрочем, ему нельзя было оставаться в Берлине.
- Нельзя? Почему? – с удивлением спросил Бертольд.
- Может быть, мне следовало бы промолчать, но так как этот Зигварт имеет, по-видимому, отношение к Равенсбергу, то будет, пожалуй, лучше сказать вам всю правду. Подобные типы охотно заводят знакомства со знатными домами, чтобы впоследствии извлечь из этого выгоду. Случилась неприятная история. Вы ведь видели мою новую виллу в Берлине?
- Разумеется! Архитектор Гунтрам создал настоящее произведение искусства.
- Да, я того же мнения, да и весь Берлин также. Но Зигварт заявил претензию на проект виллы как на свою собственность.
- Зигварт? – воскликнул Бертольд. – Но, мне известно, он ученик Гунтрама.
- Совершенно верно! Он уверял, что, закончив этот проект и уезжая в Италию, оставил его среди других чертежей у своего учителя. Надо иметь большую смелость, чтобы, будучи молодым никому неизвестным и ничем себя не зарекомендовавшим человеком, обвинить в подобном выдающегося архитектора. А Зигварт именно это и сделал.
- Это невозможно! – воскликнул Бертольд. – Что же ответил на это Гунтрам?
- Он отнесся к делу слишком мягко – посмеялся и сказал, что от человека в его положении нельзя ожидать, чтобы он серьезно отнесся к подобному обвинению. Зигварт всегда отличался эксцентричностью. Возможно, что и у него был составлен подобный проект, и на этом основании он выдумал всю эту историю. Это просто какая-то мания величия. Я смотрю на это дело как на вымогательство, которое надо пресечь самым жестким образом, но Гунтрама никак нельзя было заставить сделать это.

– Шантаж в отношении своего учителя!.. Это отвратительно! – в голосе Алисы прозвучало глубочайшее отвращение.

Ее отец, не проронивший до сих пор ни слова, обратился к зятю и сухо спросил:

– Ты, разумеется, на стороне Гунтрама, потому что уже давно знаком с ним?

– Но, Вильям, тут и речи не может быть о том, чтобы быть на чьей-либо стороне, – вмешалась госпожа Берндт. – Всякая попытка отнестись к этому делу серьезно была бы оскорблением для Гунтрама. Ты ведь знаешь, какое положение занимает он в Берлине. Чего он только там не построил!

– Да, даже слишком много, когда-то он был в большой моде, но это уже давно прошло. Ваша вилла – гениальное произведение, но совершенно не в его стиле, потому что все, что он создавал до сих пор, – дешевка.

– Эта история кажется мне совершенно невозможной! – воскликнул сильно взволнованный Бертольд. – Зигварт! Да ведь я знаю его с самого детства! Он и подобное обвинение просто несовместимы.

– Мне известны все подробности от самого Гунтрама. следовательно, из самого достоверного источника, – возразил Берндт. – Он еще пощадил молодого человека, огласив дело лишь в узком кругу, где, разумеется, все отшатнулись от юного архитектора, и ему оставалось только уехать из Берлина.

Появление старого графа положило конец разговору. Он приветствовал родственников своего сына с обычной элегантно-вежливостью, но на этот раз в ней замечалась некоторая сдержанность. За обедом все по какому-то молчаливому согласию избегали затрагивать тему, которая явно вызывала общее раздражение.

Глава 6

Графенау не мог сравниться с гордым Равенсбергом. Это было дворянское поместье средних размеров, расположенное в очень красивой местности. Замок

стоял на возвышенности, с которой открывался вид на широкую реку, на деревню Графенау, приютившуюся между лугами и плодовыми садами, и на равенсбергские леса, темной стеной обрамлявшие горизонт.

В самом Графенау не было больших лесных угодий, а потому там хватало одного лесничего, жившего в «Совином гнезде».

Маленький охотничий домик в лесу, носивший это название и построенный в стиле рококо, некогда отличался изяществом и грациозностью. Теперь он стоял среди своего зеленого окружения, запущенный и близкий к полному разрушению как забытое воспоминание прошлого. Барон Гельфенштейн, много лет тщетно боровшийся с разорением, с трудом сводил концы с концами, не имея денег на ремонт домика, в котором его предки часто собирались на веселую охоту. Благодаря великодушию нового владельца Графенау, он нашел себе здесь приют и мог кое-как жить на свою небольшую пенсию. Здесь доживал он свои последние дни с молоденькой внучкой и старой служанкой, которая вела хозяйство. Кроме них в охотничьем домике жил еще старый лесничий со своим помощником.

Большая средняя комната с балконными окнами, выходившими на большую террасу, еще сохраняла следы былой роскоши. Выцветшая живопись на потолке, подслеповатые зеркала в потускневших золотых рамах, потрескавшийся и облупившийся мраморный камин – все напоминало о прошлом. Перенесенная из замка мебель была так же стара и потерта, потому что все лучшее было продано с аукциона.

Барон Гельфенштейн сидел у окна в большом кресле, из-за совершенно седых волос и глубоких морщин он казался дряхлым, измученным стариком. Против него сидели граф Бертольд и Алиса. Равенсберги всегда дружески относились к своим соседям и теперь считали своим долгом быть предупредительными со стариком, пережившим такое тяжелое горе. Старый граф уже навестил соседа, сегодня Бертольд привез представить барону свою молодую жену.

Алиса ничего не имела против этого визита. Ей была известна судьба прежнего владельца Графенау, принадлежавшего теперь ее дяде, и она тоже считала необходимым уделить старику внимание. Но ей было больно смотреть на человека, лицо которого носило следы пережитых им нравственных и физических страданий. Ей, выросшей в блеске и роскоши, впервые в жизни пришлось близко столкнуться с такой печальной судьбой. Она уже подыскивала

предлог сократить свой визит, как вдруг средняя дверь со всего размаха распахнулась, и в комнату вбежала девушка с развевающимися локонами и бросилась к старому барону, крича:

- Дедушка, дедушка, я поймала лисицу-разбойницу, таскавшую у нас кур! Вот она!

Добыча была с торжеством положена к ногам старого барона, тщетно старавшегося умерить проявления бурной радости своей внучки.

- Но, Траудль, разве ты не видишь, что у нас гости?

Только теперь девочка пришла в себя и, увидев гостей, радостно воскликнула:

- Бертольд, наконец-то ты здесь!

- Да, я снова здесь, - улыбаясь, ответил граф, - и, как видишь, не один. Мне приходится взять на себя церемонию представления. Алиса, это баронесса Гертруда фон Гельфенштейн. Для нас она просто Траудль или маленькая золотоволосая Труда. Хотя я на целых десять лет старше ее, прежде мы были добрыми друзьями, не правда ли, Траудль? А теперь посмотри на мою жену и скажи, нравится ли она тебе.

Широко раскрытыми, изумленными глазами Траудль посмотрела на молодую женщину, которая тоже была удивлена не меньше ее.

Как? Это молодое существо, вбежавшее в комнату, как шаловливый мальчишка, - баронесса фон Гельфенштейн? И что у нее за вид! Простое темно-серое платье было ей узким и коротким, обута в грубые кожаные сапоги, черная поярковая шляпа уже изрядно поношена, но на ней красовался зеленый султан, украшающий шляпы охотников после удачного выстрела. Стройная фигурка девушки еще не полностью сформировалась, а на лице, сохранившем еще детское выражение, сверкали темно-серые, о чем-то вопрошающие, глаза. Рыжеватые волосы растрепались во время охоты и стремительного бега и рассыпались по спине. Юная баронесса, несмотря на свои шестнадцать лет была, очевидно, настоящим ребенком и позволяла себе все вольности детского возраста.

Алиса произнесла несколько слов, холодных и корректных как она сама, но Траудль не отрывала глаз от ее лица и наконец воскликнула с явным восхищением:

- О, графиня, как вы прекрасны!

Алиса улыбнулась, это наивное, страстное восхищение польстило ей больше, чем любая из ее побед. Она протянула девушке руку и произнесла:

- Нам следует поближе познакомиться, баронесса Траудль, будем друзьями! Хотите?

- О, да, да! Я и с Бертольдом всегда дружила. Посмотри-ка на эту лисицу, Бертольд. Гофштетер позволил мне выстрелить и сказал, что это был мастерский выстрел. Я удачно попала в рыжую плутовку, не правда ли?

Она подняла лисицу с пола и потрясла ею с торжествующим видом, но дед произнес укоризненным тоном:

- Ты совсем забываешь, что ты взрослая девушка. Будьте к ней снисходительны, графиня! Она целые дни проводит с лесником, особенно с тех пор, как граф Равенсберг подарил ей пони. Это было лишним баловством со стороны твоего отца, Бертольд. Она стала еще необузданнее.

- О. мой пони – прелестное, восхитительное животное! – воскликнула Гертруда. – Ты видел его, Бертольд? Если нет, то я непременно должна показать его тебе и твоей жене. Пойдемте со мной!

- Нет, оставь мне Бертольда, – остановил ее дед, – я так давно его не видел. Но если вы ничего не имеете против этого знакомства, графиня...

- О, разумеется! Пойдемте, баронесса.

Алиса быстро встала, радуясь желанному предлогу, а Траудль в восторге от того, что гостя пожелала видеть ее пони, мгновенно завладела молодой женщиной и повела ее из комнаты.

– Все та же резвая шалунья, – сказал Бертольд. – Наша маленькая златокудрая Труда нисколько не изменилась.

– Да она и не изменится, – мрачно произнес Гельфенштейн. – Вот что сделал Гейнц со своей системой воспитания! Ты ведь знаешь, он никогда не мог примириться с тем, что судьба не послала ему сына и наследника, и потому воспитал дочь как мальчика. В двенадцать лет она уже ездила с отцом на охоту и проводила с ним целые дни в лесу и в поле, и чем больше походила на мальчика, тем больше он радовался. А матери ведь у нее давно не стало.

– Да, она умерла слишком рано и для дочери, и для Гейнца.

– Мой бедный Гейнц! Он никогда не верил в возможность несчастья, а я в продолжение многих лет видел, как оно приближалось. Он все время надеялся, что мы как-нибудь его преодолеем. Я не мог не обвинить судьбы в жестокости, когда после того несчастного падения с лошади мне принесли моего сына умирающим. Теперь же я верю, что все было к лучшему. Он не перенес бы такой горькой участи, я же должен испить чашу до последней капли. А этот бедный ребенок! Траудль выросла свободной и вольной, не имея никакого представления о жизни, между тем придется же ей вступить в эту жизнь и испытать ее беспощадные требования и суровую жестокость! Что будет с моей Траудль, когда я закрою глаза?

– Но, дядя, как же ты можешь тревожиться об этом? Ты ведь сам назначил моего отца ее опекуном и отлично знаешь, что наш дом будет ее домом.

– Знаю, Равенсберг обещал мне это. Но все же мне очень горько осознавать, что единственное дитя моего сына всю свою жизнь будет жить в вашем доме из милости.

– Всю свою жизнь! Но ведь Траудль семнадцать лет, и она может скоро выйти замуж.

– Нищая бесприданница никогда не выйдет замуж. Для всех нас наступили тяжелые времена, и пока мы не можем их побороть. Твой отец продолжает эту борьбу с присущей ему энергией. Он спас свой дом, но за это принес в жертву своего сына.

– О, нет! Я по доброй воле сделал то, что должен был сделать ради имени и чести нашей семьи. Они не должны были погибнуть. В нашем кругу романтические браки являются редким исключением, обычно решают дело род и его интересы. То же самое сделал и мой отец, да и Гейнц при выборе жены руководствовался твоими желаниями и советами. И оба брака были счастливы.

– Да, потому что в обоих случаях женились на ровне, ты же взял себе жену из совершенно другого круга. Неужели ты веришь, что эта красивая, гордая женщина, отлично сознающая, что все в ее власти, когда-нибудь станет нашей? А ты чувствуешь себя счастливым в качестве мужа «принцессы»?

– Дядя Гельфенштейн! – вспыхнул, было, Бертольд, но старик сделал успокоительный жест. – Я говорю это, вовсе не желая оскорбить тебя, но ты со своей чуткостью и восприимчивостью меньше всего годишься для этой роли. Впрочем, делу уже не помочь. Мы все попали под колесо, и оно неминуемо раздавит нас. Благо тому, кто теперь наверху, – и мы были там когда-то!

В словах старика звучала мрачная покорность. Молодой граф встал, страдая от разговора, и произнес:

– Ты болен и озлоблен, дядя, и видишь все в черном свете. Счастье еще, что с тобой веселая и жизнерадостная Траудль. Ты позволишь мне сходить за женой? Нам пора домой.

Под старым буком сидели Алиса и Траудль, а возле них находился маленький пони. Алиса, имевшая в своем распоряжении целую конюшню, никак не могла понять, как можно быть так безгранично счастливой, обладая единственной маленькой лошадкой, и еще меньше понимала, как могла семнадцатилетняя баронесса оставаться таким ребенком. В ее возрасте Алиса уже вступила в общество совершенно взрослой девушкой. Но знакомство с молоденькой баронессой имело для нее прелесть новизны. Траудль представляла собой что-то необычайное, непосредственное, самобытное, это заинтересовало Алису, и она со снисходительной улыбкой слушала болтовню девушки, уже относившейся к ней с доверчивостью и бесцеремонностью ребенка, ведь жена Бертольда не могла быть ей чужой.

– Да, мы живем здесь довольно уединенно, – сказала она в ответ на расспросы Алисы, – особенно зимой, когда нас совсем заносит снегом, тогда я не вижу

никого, кроме дедушки, Гофштетера и нашей старой Элен. Дедушка всегда болен и грустен. Гофштетер говорит, что дедушка никак не может примириться с тем, что мы вылетели в трубу.

– Вылетели в трубу? Что это значит? – переспросила Алиса.

– Так обычно говорят о людях, у которых все не ладится, – наивно объяснила Траудль. – Гофштетер предсказывал это. Он всегда говорил, что все пойдет к черту, так оно и вышло. Гофштетер всегда прав.

Молодая женщина слушала с возрастающим удивлением. Эти выражения поражали ее, и, по ее мнению, Траудль в обществе оказалась бы просто белой вороной.

– Вы до сих пор пользовались, по-видимому, самой неограниченной свободой, – с заметной иронией сказала она. – Вам еще многому придется поучиться, когда вы станете бывать в обществе и выйдете замуж.

– Замужество не про меня писано, – возразила Траудль.

– Почему же? Разве к браку вы питаете отвращение?

– О, нет, ведь мой папа был женат, и Бертольд женат, но Гофштетер говорит, что теперь никто не женится на благородной девушке, у которой нет ни гроша. Все мужчины гоняются за деньгами, а у меня ровнешенько ничего нет.

– Кто же, собственно, этот Гофштетер, на которого вы постоянно ссылаетесь как на авторитет? Он, по-видимому, для вас нечто вроде оракула.

– Гофштетер – это наш лесничий, то есть теперь-то он состоит на службе у фон Берндта. Он говорит, что теперь ему не стоит служить и что он останется здесь, пока будет жив дедушка. Он всегда служил только Гельфенштейнам, а до других ему дела нет. Вот он каков у нас! Гофштетер. поди сюда!

Подошедший откуда-то сбоку человек приблизился к разговаривающим. Это был настоящий лесничий старой закалки, сильный и здоровый, с темно-красным загорелым лицом, которому густые, косматые брови и щетинистая седая борода

придавали немного сердитый вид. Во всей его осанке и в том, как он поклонился графине и вытянулся перед ней, замечалась военная выправка.

– Вы лесничий коммерции советника фон Берндта? – снисходительно спросила его Алиса.

– Да, – последовал короткий ответ, звучавший не только не особенно почтительно, но даже не особенно вежливо.

– И вы живете здесь, в «Совином гнезде»? – продолжала Алиса.

На этот раз лесничий только кивнул головой и пробормотал что-то непонятное, но тут Траудль вскочила со своего места и подбежала к нему.

– Гофштетер, старый ворчун, будь же повежливее! Ведь это графиня Равенсберг. Сейчас же исправься, а то я задам тебе трепку! – и тотчас же маленькие ручки энергично взъерошили щетинистую бороду лесника.

Он и не подумал сопротивляться, по его загорелому лицу расплылась улыбка, свидетельствующая о том, как хорошо он себя чувствовал во время этого «наказания», и он только проворчал не то сердито, не то ласково:

– Будьте же умницей, баронессочка.

«Баронессочка»! Американка-графиня находила это неслыханным: она видела в отцовском доме лишь строго вымуштрованную прислугу, ни о какой фамильярности с которой не могло быть и речи, а с тех пор как была принята немецкой аристократией, она придерживалась этикета еще строже, чем это делается в большинстве знатных домов.

– Оригинально же вы обращаетесь со своими слугами, баронесса! – вполголоса сказала она по-французски.

Траудль хорошо знала французский язык, а потому ответила Алисе на том же языке:

– О, Гофштетер не слуга, он член семьи, питомец Графенау. Его взяли в замок совсем маленьким мальчиком, потом он был егерем, затем лесничим, ходил на войну под командованием моего отца. Не правда ли, Гофштетер, ты ведь наш?

Лесничий понял лишь последние слова, произнесенные по-немецки, но казалось, до него дошел смысл и всего сказанного. Он недружелюбным взглядом окинул красивую женщину, надменно смотревшую на него сверху вниз, потом привлек к себе свою «баронессочку» и сказал почти угрожающим тоном:

– Да, да, я ваш и всегда останусь вашим. Никто не посмеет обидеть вас или господина барона – за это уж я отвечаю!

– Знаю, мой милый, старый Гофштетер, и дедушка тоже знает это! – и Траудль прижалась своим милым розовым личиком к его жесткой бороде.

Для Алисы это было уж слишком, и она быстро встала, как раз в эту минуту за ней пришел Бертольд. Он также приветствовал Гофштетера с совершенно непонятной для нее сердечностью. Этот лесничий, очевидно, пользовался здесь особыми привилегиями.

Все еще раз зашли в дом, чтобы попрощаться со старым бароном, затем графский экипаж отъехал. Траудль стояла у ворот, с восхищением глядя ему вслед. В своем тихом, уединенном уголке она была просто ослеплена появлением преуспевающей молодой графини. Гофштетер, державшийся до этой минуты на почтительном расстоянии, подошел к ней.

– Уехали, – печально проговорила девушка. – Дедушка был так рад Бертольду! Тебе понравилась его жена?

– Совсем не понравилась!

– Почему же? Она такая красивая!

– И не помнит себя от гордости. Смотрит на нашего брата, как будто мы вовсе не люди! Ее тетка в Графенау такая же. Да она ведь оттуда же и так же богата. Проклятые деньги!

По лицу Траудль скользнула тень грусти.

– Не брани деньги! Если бы у дедушки были деньги, нам не пришлось бы уехать из нашего чудного Графенау.

– Вот об этом-то я и говорю, – воскликнул окончательно разъяренный Гофштетер. – Именно тогда деньги и бывают проклятыми, когда их нет. Теперь в Графенау денег много, недаром коммерции советник теперь «фон». Биржевая аристократия! Такие господа всегда торопятся приобрести старый дворянский замок, зато мой старый барон сидит в «Совином гнезде». И молодой граф также женился на такой денежной принцессе. Как у него еще все сложится? Мне кажется, что не особенно удачно.

– Молчи! – воскликнула огорченная девушка. – Не говори ничего против Бертольда, я не позволю! Бертольд такой добрый!

– Да, добрый, но и только, а с одной добротой не пробыешься в жизни, особенно с такой женой. Теперь она командует и им, и Равенсбергом, и абсолютно всем, пока не найдется кто-нибудь. Кто станет управлять ею, но уже основательно! И я бы очень хотел, чтобы она наскочила на такого.

Траудль уже давно привыкла к сердитым выходкам своего старого друга, который не мог примириться с потерей замка и ненавидел все, что было с этим связано.

– Я здесь долго не уживусь, – продолжал он ворчать, – как только господин барон закроет глаза... Ну, ну, баронессочка, нечего делать такое печальное личико! Все мы когда-нибудь умрем, а дедушка хворает, и жизнь уже больше не радует его. Тогда я уйду далеко, за море.

– В Америку? К дикарям? Да они ведь людоеды!

Лесничий, расхохотавшись, поднял свой мускулистый кулак.

– Пусть попробуют меня съесть. Я постараюсь испортить им аппетит. Да это и неправда, баронессочка. Там все у них нормально, и индейцы вовсе не такие плохие, как о них говорят. Винклер, сын нашего инспектора, уже почти шесть

лет живет там. Он служит на новой железнодорожной линии, которую проводят на запад, и пишет, что, имея немного денег, там можно достигнуть многого. Я уже не раз говорил об этом с отцом. Денежек я прикопил, у меня есть две сильные руки, а стрелять и ездить верхом я мастер. Этого достаточно, говорит Винклер. Уеду к дикарям!

- А я останусь здесь одна! - воскликнула Траудль. - Что же я-то буду делать, когда не будет ни тебя, ни дедушки?

- Так уедем вместе и будем там вместе охотиться, но, разумеется, не так, как здесь, на лисиц, зайцев и оленей. Там всюду кишат дикие звери, и вот по ним-то стрелять, должно быть, настоящее блаженство!

- Да, Гофштетер, да! - радостно воскликнула Траудль.

Потом они уселись под буками и принялись подробно обсуждать план будущей американской жизни. Ни лесничему, ни его баронессочке не приходило в голову, что в осуществлении этих планов могут встретиться какие-то затруднения. Оба увлеклись ими от всей души.

Глава 7

Между тем коляска уносила молодую чету обратно в Равенсберг. Алиса не могла не удивляться невоспитанности молодой баронессы и ее обращению с лесничим, Бертольд заступился за свою маленькую подругу детства.

- Нет, наша златокудрая Труда все-таки очаровательна, - сказал он, - она как видение из лесной сказки.

- Но не может же она вечно оставаться героиней лесной сказки, - возразила Алиса. - Дни старого барона сочтены, а ты сам говорил, что после его смерти ее приютят в Равенсберге. Необходимо хоть немного выдрессировать ее для общества.

– Именно выдрессировать! Только я чувствую, что Траудль не поддастся этой дрессировке. И не кажется ли тебе, что большое счастье расти свободной, вольной и счастливой? Мы оба никогда этого не испытали. Ты воспитывалась в лучшем учебном заведении, я рос слабым, болезненным мальчиком, которого постоянно берегли и холили. В таких случаях о свободе нет и речи.

– Возможно, что ты и не справился бы со свободой, бедный Бертольд! – иронически-сожалеюще заметила Алиса.

Он стиснул губы, не желая показать, что оскорблен этими словами, и переменял разговор.

– Нельзя сердиться и на ласковое обращение Траудль с лесничим, – сказал он, возвращаясь к прежней теме. – Он носил «свою баронессочку» на руках, когда она не умела еще ходить, когда же с его господами случилось несчастье, он, по своей сердечной простоте, предложил помочь им всем, что имел. У Гофштетера никогда не было ни жены, ни детей, он был всегда очень неприхотлив, ограничивался самым необходимым и в тридцать лет скопил себе маленький капитал. Когда Гельфенштейны обанкротились и имение было назначено к продаже с аукциона, Гофштетер явился к барону, положил перед ним несколько расписок сберегательной кассы и чек государственного банка и спокойно сказал: «Вот, господин барон, все, что у меня есть, может быть, этого будет достаточно? И если даже все это пойдет к черту, мы все-таки попытаемся выкарабкаться».

– Что же, барон взял эти деньги?

– Конечно, нет! Да и вся сумма была бы каплей воды, упавшей на раскаленный камень. Но лесничий непременно хотел отдать все скопленное тяжелым трудом и был просто безутешен, что ему этого не разрешили.

Молодая женщина задумалась. Она случайно заглянула в совершенно другой мир, которого не понимала. Почтительная, прекрасно вымуштрованная прислуга в ее доме в Нью-Йорке менялась довольно часто и заботилась лишь о том, чтобы чем-нибудь поживиться в богатом доме. Господа знали это, но допускали, потому что были бессильны что-либо изменить.

– Ты ничего не имеешь против того, чтобы мы сделали небольшой крюк? – спросил Бертольд. – Мне хотелось бы заехать в лесничество и переговорить со старшим лесничим. Я там выйду, а ты поезжай дальше.

– Нет, я лучше пройду пешком, – возразила Алиса. – Папа говорил вчера, что пешеходная тропинка очень красива.

– Она действительно красива, но тебе придется идти по ней около часа, а не можешь же ты совершенно одна...

– Почему? Разве ваши леса не безопасны?

– Вполне, но папа будет недоволен, если ты без провожатого...

– Нет, уж позволь мне поступить по собственному желанию, – твердо прервала молодая женщина.

Доехав до лесничества, оба вышли из экипажа. Лошади остались ждать молодого графа, а его супруга пошла одна по лесной дорожке. Стояли прекрасные жаркие дни. Все в чаще замерло, только изредка раздавалось и опять смолкало птичье щебетанье. Казалось, все задремало и застыло в эти знойные часы.

По узкой тропинке, пересекавшей равенсбергский лес, шел Зигварт, освободившийся на несколько часов от своих занятий, чтобы почувствовать себя «человеком». В Эберсгофене ему отравляли жизнь придирками, и ему приходилось платить за свою неуступчивость и за то, что он особенно рьяно выражал ее по поводу стройки, дороговизна которой и так заставляла охать отцов города. Зигварт уже несколько раз пытался бросить место, на которое смотрел как на тяжелое ярмо, но куда ни обращался, нигде не мог получить места. Приходилось, скрепя сердце, покориться. Погруженный в мрачные мысли, он не обращал внимания на окружающую его природу. Свернув на более широкую дорожку, он чуть не наступил на какой-то маленький предмет, лежавший на земле. Он нагнулся и поднял его.

Это была очень изящная записная книжка с монограммой и золоченым карандашом. На первых страницах были какие-то заметки на английском языке, а в боковом карманчике лежало несколько визитных карточек, на которых под

графской короной значилось: «Графиня Алиса фон Равенсберг».

Кладя находку в карман, чтобы занести ее в лесничество, Зигварт заметил шагах в ста даму, гулявшую, по-видимому, в полном одиночестве среди лесной глуши. Она была высокой и стройной, по осанке, туалету и большой шляпе со страусовыми перьями в ней легко было узнать даму из высшего общества.

«Не сама ли это графиня? – подумал Зигварт. – Тем лучше, я могу немедленно возвратить ей книжечку».

Он ускорил шаги и через несколько минут нагнал Алису. Она обернулась – перед Зигвартом стояла незнакомка с горного озера.

Оба сразу узнали друг друга. Несколько минут они молчали, потом Зигварт вынул из кармана книжку и произнес:

– Позвольте узнать, не вы ли потеряли эту книжку? Я только что нашел ее в лесу.

Молодая женщина быстро взглянула на протянутую ей вещь.

– Да, это моя книжечка. Но... кажется, что мы видимся уже не впервые.

– Мы виделись два года тому назад в Швейцарии.

– Помню, на горном озере. А теперь встречаемся в лесах восточной Пруссии.

– Да, в совершенно другом уголке Европы, – сказал Герман. – Прошу прощения, что прочел визитную карточку, но я считал себя вправе выяснить, кому принадлежит моя находка.

Алиса, взяв книжечку, сказала обычным холодным тоном:

– Мне хвалили красоту этой тропинки, а так как и вы, вероятно, гуляете, то... – и она легким движением руки пригласили архитектора составить ей компанию.

Он принял приглашение с несвойственной ему застенчивостью, встречу в Швейцарии он редко вспоминал и, вероятно, окончательно забыл бы ее, если бы она случайно не была связана с воспоминанием о горном озере, очаровавшем его тогда своим величественным уединением.

Итак, это была графиня Равенсберг! Зигварт не понимал, почему это известие так неприятно поразило его. Не все ли ему равно? Но он не мог преодолеть неприятное ощущение и молчал, предоставив ей начинать разговор.

– А как вы сюда попали? – спросила Алиса, когда они медленно пошли по тропинке. – Вы ведь говорили, что живете в Берлине.

– В то время я еще жил в Берлине, но в зависимости от того, где я найду себе работу, я должен и жить там. Я ведь не принадлежу к высшему обществу и должен пробивать себе дорогу собственными силами, а вы из тех кругов, где не имеют понятия о тех, кто борется с трудностями жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Shocking (англ.) – неприлично, скандально.

2

Табльдот (фр.) – общий обеденный стол в пансионатах, курортных столовых и ресторанах.

Купить: https://tellnovel.com/ru/verner_elizabet/dva-mira

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)